

МАРСЕЛЬ
ГРАНЕ

КИТАЙСКАЯ
ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Величайшие цивилизации мира

Марсель Гране

Китайская цивилизация

«Алгоритм»

УДК 94(510)
ББК 63.3(5Кит)

Гране М.

Китайская цивилизация / М. Гране — «Алгоритм»,
— (Величайшие цивилизации мира)

ISBN 978-5-9265-0539-6

Китайская цивилизация – пожалуй, самая загадочная для европейского человека. Китай с древнейших времен развивался «неправильно», не так, как западный «цивилизованный мир». Красочная панорама великой истории Китая, которую разворачивает в своей книге признанный классик французской ориенталистики Марсель Гране, послужит внимательному читателю ключом к пониманию и современного Китая. «Китайская цивилизация» считается основополагающим трудом в синологии. Работа Гране дает целостную картину жизни древнекитайского общества, воспроизводимую в органическом единстве с исследованием китайского менталитета. Ярко описывает различные стороны общественной и частной жизни китайцев, быта людей: труд, семейные и брачные отношения, пища, одежда, ритуалы, обряды, кодексы чести, социальная иерархия, охватывающий все стороны жизни этикет.

УДК 94(510)
ББК 63.3(5Кит)

ISBN 978-5-9265-0539-6

© Гране М.
© Алгоритм

Содержание

Введение	6
Часть первая	10
Книга I	10
Глава первая	10
Глава вторая	12
1. Династия Ся	13
2. Династия Инь	14
3. Династия Чжоу	15
Глава третья	17
1. Гегемоны	17
2. Тираны	20
Глава четвертая	23
1. Династия Цинь	23
2. Династия Хань	26
Книга II	30
Глава первая	31
1. Ценность традиционалистских сведений	31
2. Вклад так называемых вспомогательных наук	36
Глава вторая	40
1. Китай времен феодализма	40
2. Китайцы и варвары	44
3. Образование провинциальных центров	50
Глава третья	53
1. Создание имперского единства	53
2. Век императора Уди	61
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Марсель Гране

Китайская цивилизация

Введение

Китайская цивилизация заслуживает большего, чем быть предметом простого любопытства. Она может показаться странной, но – и это факт – в ней запечатлена огромная совокупность человеческого опыта. Никакая другая цивилизация в течение стольких лет не служила связующим звеном для такого множества людей. И тот, кто хочет называться гуманистом, не может позволить себе пренебрежительно относиться к культурной традиции, столь притягательной и насыщенной ценностями, которые выдержали испытание временем.

Похоже, что эта традиция сложилась где-то ко времени Рождества Христова, в эпоху, когда наконец-то объединившаяся китайская земля образует обширную империю. Возникшая в Китае цивилизация сразу же распространяет свое влияние по всему Дальнему Востоку и обогащается благодаря многочисленным контактам. При этом китайцы добиваются осуществления традиционного идеала, определяемого ими со все большей жесткостью.

Они привязаны к нему с такой страстностью, что зачастую представляют его своим важнейшим национальным наследием. Они нисколько не сомневаются в том, что за многие тысячелетия до христианской эры их предки были посвящены мудрецами в жизненный порядок, который и составил их силу. Основой их совершенной сплоченности становится чистота цивилизации первых веков. Наибольшее величие Китая приходится на самые древние времена. Его единство разрушается или восстанавливается в зависимости от того, слабеет ли или набирает силу незыблемый в принципе цивилизационный порядок.

Эти стройные взгляды обладают ценностью догмы, и им соответствует активная вера. Они вдохновляли все попытки исторического синтеза и в течение многих столетий оказывали решающее влияние на сохранение, передачу и восстановление документов: в нашем распоряжении нет ни одного текста, который мог бы считаться нетронутым и выражающим непосредственное мнение его автора. И в тех случаях, когда историки, археологи, истолкователи изображают себя всего лишь экспертами, и даже тогда, когда, казалось бы, их вдохновляет фрондерский дух, на них остается печать преклонения перед традицией. Они определяют события или даты, устанавливают тексты, выявляют позднейшие вставки, классифицируют сочинения не в духе объективной отстраненности, а в надежде сделать еще более явственным как в самих текстах, так и у их читателей осознание идеала, который история не сумела бы объяснить, ибо он предшествовал истории.

Мы будем руководствоваться иной позицией.

Некогда на Западе рассказывали историю Китая в китайской – или очень к ней близкой – манере, не трудясь отмечать ее догматический характер. Сегодня в Китае пытаются размежевать ложное и истинное в собственных традициях. Западными учеными используются местные критические работы, но при этом они часто забывают упомянуть о предпосылках, из которых те исходят. В общем они оказываются малочувствительными к слабостям чисто литературного толкования истории. Несмотря на критический подход, они лишь в редких случаях осмеливаются признать, что факты остаются неуловимыми.

Достаточно ли датировать текст, для того чтобы содержащиеся в нем суждения сразу же стали доступными для использования? Например, какую действительность открывают китайские документы о древних формах землепользования, если, заняв определенную позицию в отношении их даты и ценности, воздерживаться от признания, что выделяемый зем-

ледельцу, по их мнению, участок в пять или шесть раз меньше поля, которое в наши дни считается необходимым для того, чтобы прокормить одного человека в краях с самыми плодородными и лучше всего обрабатываемыми землями? Литературная история обрядности представляет значительный интерес, но разве удастся хорошо ее воссоздать, если обнаруживается, что, во-первых, среди перечисленных как используемые в обрядах предметов ни один – или близко к этому – не был найден при раскопках, а во-вторых, что среди найденных при раскопках предметов лишь очень немногие хоть как-то упомянуты в описаниях обрядов?

Работы по раскопкам едва начаты. К тому же китайская археология вдохновляется начетническим духом. Важно сразу же предупредить, что имеющиеся в нашем распоряжении документы отмечены утопизмом. Остается понять, представляют ли они ценность в своем нынешнем виде.

Эти документы не позволяют восстановить последовательность исторических фактов. Они не дают возможности с какой-либо степенью точности описать материальную сторону китайской цивилизации.

Так же как подробности войн и политических интриг, мы не знаем административные установления, экономическую практику, манеру одеваться и т.д. Напротив, мы в изобилии обладаем драгоценнейшими свидетельствами о различиях в эмоциях или в теоретических взглядах у разных кругов Китая по отношению к одежде, богатству, искусству управления, политики или войны... Но прежде всего мы осведомлены о тех жизненных позициях, которым покровительствовала ортодоксия. Однако же, опасаясь что-либо утратить из своего прошлого даже в тех случаях, когда они озабочены прежде всего созданием чисто идеальной его реконструкции, китайцы сохранили массу сведений, которые противоречат ортодоксальным теориям.

Пока что, если отнестись с недоверием к иллюзорно точным сведениям, нет никакой возможности написать учебник по Древнему Китаю. Однако же отнюдь не невозможно продвинуться довольно далеко в познании Китая, если ограничиться определением взятых в их совокупности жизненных позиций, характерных для его древней социальной системы.

Дух, в котором я задумал настоящую работу, сводится к следующему: попытаться определить социальную систему китайцев; попытаться выявить, что в ней есть своеобразного (в политической жизни, в нравах, мышлении, в истории мысли и истории нравов); попытаться также обозначить, что содержит она из широкого человеческого опыта и что позволяет заключить, как часто при переходе от цивилизации к цивилизации оказываются различны только способы выработки символов; попытаться, наконец, раскрыть эту систему поведения в присущих ей действиях и движениях. Именно этот дух вдохновлял мои подготовительные работы. Частью они опубликованы; при их печатании я подчеркивал, что они имеют характер вводных исследований, и одновременно осуществлял последовательно критический анализ фактов, идей и документов. Сегодня же я представляю обобщающий труд. Мне пришлось быть более строгим. Соответственно я оказался вынужден отделить историю мысли от истории политических событий и социальных обстоятельств. – История мысли составит содержание дополнительного тома: в нем можно будет увидеть, как китайская мысль в ходе развития, находившегося в теснейшей связи с эволюцией нравов, уже с *эпохи Хань* пришла к схоластике, дополнявшей ортодоксальное учение о жизни. Тем не менее под оболочкой условных форм эта мысль скрывает, наряду с замечательными конкретными поэтическими и пластическими особенностями, свободное движение мысли, действующей там без помех и как бы в укрытии. – Эти выводы подтверждают, да и дополняют заключения, к которым нас подводит настоящий том. Эволюция нравов свидетельствует о последовательной смене идеалов, преобладающих в определенных кругах. Она, похоже, подводит как к своего рода отправной точке к прославлению чрезвычайно жесткого конформизма. В этом проявля-

ется та господствующая деятельность, которую с момента образования Империи осуществляют в жизни нации социальные классы: внешне их деятельность выглядит верховенствующей, поскольку роль государства и администрации (теоретически) сводится к воспитанию нравственных и интеллектуальных качеств, отличающих честного человека и важнейших у чиновника. Китайская история с трудом подчиняется необходимости сохранения пережитков и с еще большим трудом – признанию нового. Можно, впрочем, предполагать, что под оболочкой претендующей на абсолютную власть ортодоксии нравственная жизнь продолжала развиваться свободно. Бесценны приметы, благодаря которым можно разглядеть, что она не прекращала вдохновляться древними, уцелевавшими от оскудения идеалами. Вместе с тем под давлением обстоятельств она сумела-таки обновить свои идеалы, ибо *достижение имперского единства* сопровождалось совершенно новым распределением общественных обязанностей.

Как в истории общества, так и в политической истории наступлением *имперской эры* словно бы отмечается некий разрыв. Вот почему я остановил это исследование Древнего Китая на эпохе Хань.

Первая часть этой книги посвящена политической истории. Она открывается главой, в которой я анализирую традиционную историю с ее начала и до времени императора Уди (140–87) династии Хань. (Приводимые без уточнения даты относятся к дохристианской эре.) Древние традиции знакомят если и не с самими фактами, то хотя бы с китайскими взглядами. Начиная с того момента, когда появляются датируемые летописи (VIII в.), критическая мысль оказывается в состоянии установить несколько фактов, но они скудны (прежде всего крайне схематичны) и конечно же крайне разрозненны. Требуется немалая дерзость даже для того, чтобы наметить основные направления политической эволюции, приведшей к созданию Китайской империи. Пытаясь об этом рассказывать, я без зазрения совести оставлял обширные пробелы. Я отказался рисовать портреты, когда в моем распоряжении о героях имелись только сказочные предания. Я не стал описывать войны, когда в моем распоряжении оказывались только отрывки из эпопей, романов или героических поэм. Я не пытался восстанавливать замыслы стратегов или проекты политиков, если даже достигнутые ими фактические результаты мне удавалось понять лишь с большим трудом. По преимуществу я опирался на примеры и выделял только решающие моменты. О царствованиях императоров Цинь Ши Хуанди и Уди известно лишь по неполным и не очень надежным документам, но события приобретают тогда такой размах, что подстерегающая критическую мысль опасность впасть в заблуждение внушает меньший страх. Я воздерживался от изложения малейших предположений по ставшим модными вопросам, как, например, о заселенности Китая: сформулированные на основе языковых предубеждений или же положений всеобщей истории гипотезы страдают тем, на мой взгляд, серьезным недостатком, что сужают поле исследования, на котором должна бы работать предысторическая археология. Я ограничился попыткой очертить параллелизм в прогрессе освоения земель и в образовании политических объединений, стараясь пролить свет на один важный факт: как только поднялись крупные феодальные уделы, поглотившие владения мелких вождей и растворившие островки варварства, так чувство цивилизационной общности побудило китайцев встать на защиту от набегов образующихся варварских конфедераций и заставило их согласиться с объединением страны в великую империю. Таким путем они пришли к тому, что я называю *цивилизационным объединением*, могучим и активным объединением, не считая себя при этом обязанными окружать государство и идею государства тем престижем и тем авторитетом, в которых жители Запада охотно видят необходимое основание всякой национальной жизни.

Подобно тому как попытка создания политической истории Китая может быть предпринята только при отказе от привлечения западной идеи государства, в равной мере для

того, чтобы подойти к истории общества, которая составит вторую часть нашей работы, необходимо избавиться от идеи права, навязанной нашему уму слепым восхищением римским миром. В древнем китайском мире общественные перемены не выражаются в принятии сменяющих одна другую систем законов и уставов. Они проявляются в смене нравственных позиций. Ими сопровождаются колебания, происходящие вообще в жизни общества в зависимости от того, господствует ли в нем крестьянская деятельность и жизнь деревень, или же деятельность феодалов, осевших по местечкам, со временем вырастающим в крошечные столицы, или же богатых торговцев, вокруг которых вырастают крупные города. Документы не предоставляют каких-либо опорных точек в отношении существенных фактов, связанных с перемещением центров общественной жизни. Не известно ничего определенного об основании городков и господских поселений, повлекших за собой вытеснение крестьянских идеалов размеренного и ритмического равновесия моралью, основывавшейся на представлении о престиже: приемлемая для жизни в военном лагере, она преобразилась под влиянием жизни при дворе в культ умения себя держать и этикета. Ничего точного не известно о развитии промышленности, богатства, роскоши или о расширении городских центров; лишь посредством косвенных показателей можно догадываться об остром кризисе, который был порожден этим процессом: он привел к одобрению в качестве начал социальной дисциплины формализма и декорума, выдержанного в духе традиционализма и архаизирующего символизма. Есть только одно средство для изучения этого общества – попытаться прибегнуть к некоему стратиграфическому его воссозданию. Вот почему я обращался к изучению не определенных и сгруппированных на западный манер учреждений – религии, права, жилища, но различных общественных кругов. Никогда не ставя перед собой задачи охватить все, я ограничился изображением отобранных характерных норм поведения.

Все сказанное в этом сочинении вытекает из непосредственного анализа документов. В меру возможного я также устранил из моих заметок все ссылки, которые могли быть использованы исключительно специалистами. В первый и последний раз предупреждаю, что в данном труде содержатся мои собственные взгляды, к которым я пришел, следуя своим принципам исследования. Мне пришлось немало поработать, чтобы избежать категорических утверждений, немало потрудиться ради того, чтобы в тех случаях, когда я считал это возможным, прийти к точным формулировкам. Еще сложнее было устранить хитроумные гипотезы и обманчивые притязания на точность. Учитывая состояние документов и исследований, было бы тщетно скрывать, насколько выводы, которые можно сделать, субъективны, неполны и поверхностны, и еще более тщетно было бы в этом извиняться. Достаточно высказать надежду, что взятые по той цене, которую они действительно стоят, эти заключения дадут читателю возможность почувствовать, сколь необходимо углубленное изучение китайских реалий. Оно позволило бы сопоставить с оценками и опытом очень большого народа классификации и суждения, к которым мы наиболее привычны.

Часть первая Политическая история

Книга I Традиционалистская история

Глава первая Пять государей

Традиции относят начало истории к временам Пяти государей (У ди), которым иной раз предшествуют Трое властелинов (Сань хуан).

Трое первых из Пяти государей, Хуанди, Чжуаньской, Гаосинь, представлены в сочинениях, связанных с конфуцианской традицией, но характер представлений о них скорее философский, чем исторический. «Шу цзин», или «Книга преданий», упоминает только двух последних, Яо и Шуня. Написавший в конце II в. до н.э. первую крупную компиляцию всеобщей истории Сыма Цянь взял темой первой главы своих «Исторических записок» Пять государей. Он начинал китайскую историю с Хуанди, которого в эпоху Хань считали великим покровителем даосских сект. Хотя в результате на самого Сыма Цяня пало обвинение в отходе от ортодоксии, в позднейшие времена в исторических компиляциях не переставали описывать царствования Пяти государей. Восходящая по меньшей мере ко вторым Хань иконографическая традиция упоминает как предшественников Пяти государей Трех властелинов – Фуси, Нюйва и Шэньнуна или же, поскольку Фуси и Нюйва образуют чету, еще Чжужуна и Шэньнуна. Властелины, как и трое первых государей, упоминаются в древних текстах как ортодоксальной, так и неортодоксальной традиции.

Китайские эрудиты, предваряя историю царских династий рассказом о Трех властелинах и Пяти государях, стремились набросать картину счастливых времен, когда под человеческими чертами выступала совершенная добродетель. При этом в фигурах героев ранних эпох сохраняется множество мифологических черт. Правда, у первых героев «Книги преданий», Яо и Шуня, эти признаки почти полностью стерты. Тем не менее и они оба оказываются вовлечены в драматическую историю Великих наводнений, в которой главенствующая роль принадлежит основателю первой царской династии Юю Великому. В некоторых рассказах на первый план выходят другие властелины (Нюйва, Чжужун) или другие герои. Тема наводнений связана с мифом об обустройстве мироздания, а некоторыми своими сторонами, похоже, с земледельческими обрядами отчетливо выраженного шаманистского характера: воды заставляют вырваться на поверхность с помощью рисунков на земле, которыми намечают и русло возникающих рек. Однако же развитие этого важного сюжета превращается в «Книге преданий» в чисто технический спор: следует ли предпочесть строительство дамб прокладке каналов? Таким же образом, когда там говорится о Яо, который «выглядит словно Солнце», само собой разумеется, что это выражение не более чем метафора: от старого мифа, где Яо предстает укротителем солнц или же Солнцем, историками не сохранено ничего. Если же у включенных в «Книгу преданий» героев мифологические приметы более часты или менее размыты, то это обычно случается как бы на обочине истории. Например, Сыма Цянь остерегается рассказывать, что Хуанди установил свою власть, заставив спуститься с Неба собственную дочь Засуху, которая продолжала оставаться богиней. В равной степени исто-

рики воздерживаются от упоминания, что последний из Властелинов, Шэньнун, обладал бычьей головой, а Фуси и Нюйва образовывали соединенную хвостом чету. Историческая традиция в принципе хочет иметь дело только с людьми.

Несомненно, уже давно очеловеченные Шунь и Яо оставались бы первыми государями Китая, если бы в воссоздании национальной истории страны решающую роль не приобрела теория Пяти стихий. Эта, несомненно, древняя теория стала по политическим соображениям в IV и III вв. предметом спекуляций разных философских школ. Все они допускали, что Порядок во вселенной и само время были установлены при содействии пяти соответствующих Пяти стихиям добродетелей. Их воплощали пять следовавших один за другим августейших государей. Одно из толкований, относившихся к Пяти стихиям, подразумевало, что своего результата они добивались, торжествуя друг над другом. Это толкование позволяло сгруппировать осколки древних мифов в виде исторических событий, когда героев видели сражавшимися между собой наподобие демиургов. История присвоила себе достаточное число этих героев, для того чтобы Изначальные времена представляли совершенным циклом Пяти соответствовавших стихиям добродетелей.

Обозначением каждого государя служит одна-единственная стихия. Однако он к тому же обладает своего рода всеохватывающей добродетелью, причем каждый из них в одиночку является творцом национальной цивилизации. Он представляет нечто большее, чем просто изобретателя орудий или учреждений. Такое его видение больше подошло бы к Трем властелинам. Так, например, Фуси и Нюйва сообща изобрели свадебные обряды и подарки, тогда как властелин с головой быка Шэньнун изготовил соху и учил приемам земледелия. Однако же, если Хуанди иной раз и изображают изобретателем литья металлов и военного оружия, чаще всего открытие выплавки металлов и изобретение первых военных орудий приписывается его помощнику Иню. Рассказывают, что Шунь лепил из глины вазы. Однако же величайшие изобретения, которыми отмечено его царствование, как и царствование Яо, сделаны помощниками, которым они поручили организовать управление миром: Си Хэ уточнил солнечный год, Ци научил сеvu и пересадкам, Гао Яо ввел в обиход уголовное право. Находившиеся над этими героями, ограничиваемыми узкой специализацией, государи царят, но не изобретают. Будучи наделены более полной и временами выглядевшей более отвлеченной добродетелью, они ограничиваются тем, что, рассеивая свое упорядочивавшее влияние, приносят в мир цивилизацию.

Она распространяется параллельно во времени и в пространстве. Являясь всеохватывающей и отождествляя границы Китая с границами мироздания, она обеспечивает единство Империи. Этот положительный результат достигается, когда государь, перемещаясь, сам доносит свою добродетель до границ мироздания. Вот так Хуанди при посещении четырех стран света достиг на Дальнем Западе гор Кунтун и Чжуаньшуй, на краю Востока – дерева Паньму. Но для Яо оказалось достаточным отправить к четырем полюсам своих уполномоченных, а Шуню для подчинения вселенной порядку, который он хотел ввести, потребовалось и меньше того: ему хватило провести простую церемонию в своей столице с четырьмя воротами. Государь правит пространством, потому что он владыка времени. Хуанди «повсюду установил порядок для Солнца, Луны и Звезд». Гаосинь наблюдал Солнце и Луну для того, чтобы их принять и сопровождать. Яо поручил Си и Хэ «со вниманием наблюдать за Августейшим Небом и прилагать закон чисел к Солнцу, Луне и Созвездиям». «Действуя в соответствии с временем года, чтобы следовать Небу», государь настраивает влияния («ци»), дабы «направлять круговорот». Он тот, чья «вселенская щедрость благодетельна для всех существ». Ему присущ высший дар, действенность («лин»), отличающая существа, которые мы называем божественными («шэнь»; «лин» и «шэнь» имеют одно значение и взаимозаменяемы; часто говорят «шэнь-лин»). «С самого своего рождения Хуанди обладал действенностью («шэнь-лин»)»: ему не было и трех месяцев, а он уже умел гово-

рять. Этой добродетелью государя немедленно достигается главный результат – «спокойствие и покорность всех движущихся или отдыхающих существ, всех малых и великих, всех божественных существ, всего, что освещается Солнцем и Луной». Великим Миром («Тай пин») называют это состояние устойчивости, когда земля и воды, растения и животные, боги и люди процветают, не выходя за пределы соответствующих им уделов. Государь обладает всеми атрибутами, которыми может наделить демиурга восстающая против креационистских взглядов философия.

Скорее мудрецами, чем героями, предстают государи, которых наилучшим образом удалось интегрировать в традиционную историю. Добиться, чтобы среди людей царил порядок, – вот их первойшая задача. Яо, наделенный «умом существа божественного («шэнь»)), установил царство сыновней почтительности и гражданских добродетелей. Так же как Шунь и – в меньшей степени – как основатель царства Юй Великий, он жил ради народного блага и «не думал о самом себе». Вот почему он и не мыслил об основании собственной династии. Пять государей отнюдь не отцы или сыновья друг друга. Между двумя государями из «Книги преданий» не существует никаких родственных уз; ведь Шунь может пожениться на дочери Яо. После того как Яо подверг его испытанию и признал в своем зяте и советнике мудреца, достойного царствовать, тот ему и унаследовал. Народ также признал в нем качества, провозглашенные разбиравшимся в мудрости предшественником. Яо изгнал собственного сына Даньчжу, «дабы в ущерб Империи не творить благо для одного человека», и после смерти Яо почести были оказаны не его сыну, а Шуню. Шунь сказал: «Воля Неба!» – и принял власть.

Государь – это мудрец, который обладал более человеческой и одновременно более отвлеченной добродетелью, чем герои; он цивилизует мироздание непосредственным воздействием своей действенности и царствует в согласии с Небом ради счастья народа. Прежде всего он создатель точного и сотворяющего благо календаря. Его помощники действуют, вдохновляясь государевой добродетелью. Что касается его самого, то он царствует, не задумываясь над управлением. Он занят созданием, а точнее, выделением порядка. Это прежде всего нравственный порядок, но им охватывается все. Эпоха Пяти государей – время гражданских достоинств, эра совершенной человечности («жэнь»).

Глава вторая Три царские династии

История Трех царских династий опирается на сведения, содержащиеся в «Книге преданий» («Шу цзин»), дополненные классической «Книгой песен» («Ши цзин»), а также «Бамбуковые анналы».

За последним из Пяти государей, Шунем, последовал основатель династии Ся Юй Великий. Когда цари династии Ся поддались растлению, их низвергай и заменили цари Инь (или Шан, они же Инь-Шан). Наконец, после того, как стали источать зло цари династии Инь, их устранили Чжоу.

Могущество любой династии проистекает из добродетели («дэ») или из престижа («дэ» либо «дэ-инь»), проходящих через стадии полноты сил («чжэн» либо «шэн»), затем упадка («ай»), а после – эфемерного возрождения («син»), истощения и угасания («ме»). Династия тогда должна померкнуть («ме»), быть уничтожена («цзюэ» или «ме-цзюэ»), истреблена, ибо *Небо больше не на ее стороне* («бу Тянь»): Небо («Тянь») больше не относится к царям как к своим сыновьям («цзы»). Семья может предоставлять Китаю царей, Сынов Неба («Тянь цзы»), всего лишь на период, пока Небо дарует тем достоинство («мин»). Это достоинство, этот небесный мандат всегда временны. Небо изменчиво, неумолимо. Его милость утрачивается, она истощается. Не приходит дважды Великое Счастье («да фу»). Любая династия, сохраняющая власть после того, как ее время прошло, обладает могуще-

ством лишь фактически. В глазах права она узурпатор. Основатели династии, срок которой пришел, выполняют небесную волю, уничтожая изжившую себя и причиняющую вред династию. Они исполнители божественного наказания, и сама их победа служит доказательством, что Небо доверило им свой мандат («мин»).

Дозволяющий царить божественный мандат – плод заслуг великого предка. Великие предки трех царских династий были все помощниками у Шуня. Проявив себя в управлении той или иной областью мироздания при этом последнем и мудрейшем из Пяти августейших государей, они обрели для своего потомства ту или иную отличительную Добродетель. Положивший начало власти Ся Юй Великий возглавлял общественные работы («сыгун»). Предки родов Инь и Чжоу, Се и Ци, были: первый – управляющим народа, а второй отвечал за земледелие. Юй, Се и Ци были потомками в пятом поколении, включая поколение исходное, первого из Пяти государей, Хуанди. (В пятом поколении боковые ветви отделяются, образуя независимые древа.) Наконец, было чудесным рождение каждого из трех основателей царских династий. Они родились из небесных деяний.

Таким образом, все династии царей, Сынов Неба, восходят к одному из небесных сыновей.

С начала VIII в. история приписывает династии Чжоу угасающее существование, которое, однако, обрывается только в III в. до н.э. К тому времени Чжоу выглядят пережившими собственное могущество. Когда начинается отмеченный появлением хронологии исторический период, оно уже ни в чем не проявляется. Царь Пин, при котором хронология возникает, был вынужден покинуть столицу, а о его погибшем при стихийном бедствии отце, царе Ю, утверждалось, что «Чжоу пропали». Их добродетель оказалась исчерпанной. Это подтверждалось стихийными бедствиями. Сходные природные катастрофы происходили также в последние годы династий Ся и Инь. Последние цари династий – это по преимуществу тираны или мятежники. Вместо того чтобы поступать в соответствии с тождественной естественному порядку («Дао») Добродетелью, они, будучи ослеплены гордостью, действуют самовластно. Они больше не выполняют мандата Неба, и Небо их покидает, не имея больше возможности относиться к ним, словно к благочестивым сыновьям.

Следует подчиняться небесным приказам, дабы обрести царскую Добродетель. Присущее тиранам высокомерие ее разрушает. История Трех династий – всего лишь тройная иллюстрация этого принципа. Она излагается в форме ежегодных хроник: подробно повествуется лишь о временах становления и падения династий. Для промежуточных эпох летописи сводятся к простому перечислению царствований, причем исключения составляют только мимолетные периоды возрождения царской власти. История ставит целью показать начала величия и упадка царских домов. Ее задача выполнена, едва только пролит свет на славную добродетель царей-основателей и пагубный дух царей пропавших.

1. Династия Ся

Основатель династии Ся Юй Великий обладал всеми чертами истинного государя; более того, ни один из государей так не похож на демиурга, как этот создатель царства. В его честь историей включаются в повествование обрывки поэмы, в которой его можно увидеть приводящим в порядок Священные болота, Достопочтенные горы и отводящим реки к морю, подобно тому как «придворные направляются на заседание двора». Наконец-то обустроенное мироздание может осваиваться. Народ в состоянии питаться свежим мясом, рисом, просом. Благодаря трудам Юя земля спасена от наводнений. Однако же – и ни один историк этого не оспаривает – это были исключительно человеческие работы. Они требовали лишь особенного сочетания гражданских добродетелей. Юй «был активен, услужлив, способен, проворен... Он ограничивал себя в одежде и еде, но демонстрировал исклю-

чительную почтительность к божественным силам; живя в скромном жилище, он не жалел расходов на каналы и каналы».

Ему была присуща добродетель, способная объединить Империю. «Его голос был мерилем звуков, тело – мерилем единиц измерения длины». Следовательно, он мог определять Числа, служившие для регулирования Времени и Пространства, а также Музыка, создающей вселенскую гармонию. Он установил размеры дани, «внес совершенный порядок в шесть угодий природы» и расселил надлежащим образом китайцев и варваров, так что Империя познала Великий Мир. Кстати, он побывал в четырех странах света ради того, чтобы отметить границы мироздания и Китая. Все свои работы он совершил, будучи помощником Шуня. Затем царь представил его Небу. После того как Юй унаследовал Шуню, так же как тот унаследовал Яо, ему оставалось лишь царствовать. Отныне роль Юя, как и любого государя, сводилась к представлению Небу одного из своих помощников. Он представил Небу Гао Яо, а когда тот умер, И, или Бои, которого иногда изображают сыном Гао Яо. Юй скончался. Но, покинув И, знать явилась к Ци и оказала ему почести. Знатные люди говорили: «Наш князь – это Ци, сын Государя Юя». Так был установлен принцип династического наследования и основана царская династия Ся.

За царем-цивилизатором Юем последовал царь-воин Ци. Из его царствования история запомнила только одну одержанную им победу. Благодаря ей он упрочил мирное дело отца. И прежде чем подойти к рассказу о последнем Ся, Цзе, история довольно долго задерживается на событии, относящемся к чете драконов, которой Небо приказало спуститься к царю Кунцзя. Царь пожрал дракониху. Некоторые видят в этом небесном даре драконов подтверждение царской добродетели: они изображают Кунцзя мудрецом, который во всем следовал воле Неба. Другие же, отказываясь связывать с его царствованием возрождение династического духа, принимают его за поклонника магии. Этот возмутитель спокойствия «развратил Добродетель Ся».

Цзе завершил уничтожение этой Добродетели. Он был не просто неспособным правителем, а тираном. Он одерживал «чрезмерные победы». Им были запуганы Сто семейств, то есть народ. Он любил роскошь. С привезенными из походов пленницами предавался разврату. Вассалов, которые его упрекали, убил, избавился от первой жены, заключил в башню самого добродетельного из знатных людей. С Неба падали звезды, тряслась земля, река И пересохла. Однажды взошли одновременно два солнца. Одно на Западе представляло династию Ся в упадке. Другое на Востоке представляло Тана, того феодала, которого Цзе сначала заключил в темницу, а потом был вынужден освободить. Едва выйдя из заключения, Тан принял явившихся с изъявлениями почтения знатных особ. Это были вассалы тирана, искавшие прибежища. Был среди них и летописец династии Ся. И тогда Тан привел свою армию в движение, стремясь добиться, чтобы шла она с Востока на Запад. В своем высокомерии Цзе сказал: «В тот день, когда умрет это солнце, и я, и вы, и все мы погибнем». Он был разгромлен, и это был конец династии.

2. Династия Инь

Основатель династии Инь Тан Победоносный был потомком Первого государя, а также Се, сына Неба и матери-девственницы, прославившегося в качестве помощника Шуня. Среди своих предков он числил также Мина, или Сюаньмина, который выправил течение Реки и утонул в ее водах. «Его Добродетель распространялась вплоть до птиц и четвероногих». Подчиняясь пожеланиям Неба, он загонял в свои сети только животных, которым «жизнь стала в тягость». Поэтому к нему тянулись мудрецы. Он добился, что к нему в услужение поступил такой человек, как И Инь, знавший подходящую для государя пищу и умевший держать речь о царских добродетелях. Начал Тан с наказания графа из Гэ, «который

не приносил жертв», а затем осудил и нарушителя порядка Гунью. Лишь по одной причине поднял он оружие против царей Ся: они совершенно не сострадали народу. Сам он, «страшавшийся Всевышнего, просто не мог не поправить Цзе... которого Небо приказало предать смерти». Победа помогла ему также «умиротворить пространство между четырех морей», то есть Китай. «Он к тому же изменил месяц и день начала года». Свои указы провозгласил весной в восточном предместье. Он царил, он умер.

Царствование Тана лишено событий. Что касается царствований его непосредственных преемников, то и они интересны лишь ролью, сыгранной в престолонаследии советником Тана И Инем. В конечном счете установилось престолонаследие от отца к сыну. С того момента летописи свелись к перечню царствований, где упоминаются наряду с частыми переменами столиц лишь заметные события. В царствование Таймоу появились два чудесных тутовника, а в царствование Удина – фазан. Эти знамения послужили поводом для пересмотра поведения в присутствии царя и для обновления Добродетели правящего дома. Та едва не пресеклась с воцарением Уи, пускавшего стрелы в переполненный кровью бурдюк. Он уверял, что стреляет в Небо. Раздался удар грома, и пораженный небесным огнем Уи рухнул.

Дом Инь погиб при царе Чжоусине, о котором также рассказывают, что он стрелял в Небо и должен был сгореть вместе со своими сокровищами и своими женами. Чжоусинь был самым омерзительным среди тиранов. Он грешил чрезмерностью способностей и честолюбия. «Сверхчеловеческой была его сила. Одной рукой он бросал на землю разъяренных животных. Знания позволяли ему возражать на упреки... Своими талантами он внушал страх собственным военачальникам. Благодаря своей славе он высоко вознесся в Империи. Он добился, что все от него зависели». Он одерживал пагубные победы. Ему нравились возбуждающие мелодии и танцы. Он увлекался женщинами, взял пленницу в фаворитки, казнил тех, кто его упрекал, и убил свою главную жену. Он изобрел пытку полыхающей дыбы. Он бросил в башню владыку Запада, князя семейства Чжоу, который был самым добродетельным из его вассалов. Рухнула гора Яо. Женщина превратилась в мужчину. Одновременно взошли два солнца. Как только Чжоусинь его освободил, вождь Запада принял изъявления верности своих вассалов. У него укрылся летописец династии Инь. Великий воспитатель дома Инь вместе с помощником принесли семейству Чжоу музыкальные инструменты тирана. Наконец, Чжоу собрали свои войска и с династией было покончено.

3. Династия Чжоу

Чжоу происходили одновременно от Хуанди, а также от Ци, сына Неба и матери-девушки, приобретшего заслуги в царствование Шуня в качестве управляющего земледелием и Князя урожаяев. Победа Чжоу была в два приема обеспечена царями Вэнь и У. Первый владел цивилизаторским духом («вэнь»), а второй – воинственным духом («у»). Первоначально царь Вэнь, носивший титул вождя Запада, совершенно не думал об отмщении Чжоусиню, который бросил его в темницу. Напротив, он пожертвовал часть своих владений для того, чтобы добиться уничтожения отвратительной пытки на дыбе. «Добро он творил втайне». Под влиянием его гения умеренности в его уделах полностью исчез дух несогласия; «в том, что касалось полевых меж, пахари уступали друг другу и все уступали старикам». Знать увидела в этом знак Неба. К вождю Запада тянулись мудрецы. Однажды, отправившись на охоту, он обнаружил в своих сетях не зверей, а святого, который был способен «помочь самому верховному государю». Своими речами этот мудрец научил его, как «укрепить свою добродетель и низвергнуть Инь». Он взялся за оружие только для того, чтобы наказать варваров и преступников, вроде людей Ми-сю. Наконец, он решился принять титул царя. И «тогда он изменил правила и мерила и определил первый день первого месяца».

Его воинственному сыну оставалось лишь на деле закрепить торжество отца. Он вооружился только для того, чтобы «почтительно выполнить небесную кару», а также потому, что Чжоусинь «свиристествовал над Ста семействами». Став победителем, он немедленно «распустил войска и посетил угодыя вассалов». Царствование его преемника царя Чэна интересно главным образом ролью, которую сыграл в передаче власти князь Чжоу, приходившийся ему дядей и бывший его помощником. С помощью последних сторонников семейства Инь другие дядья царя подняли мятеж. Их победили, и в конечном счете династия установилась при принципе престолонаследия от отца к сыну. Хотя мы приближаемся к временам датированных летописей, царствования непосредственных преемников царя Чэна почти в той же степени лишены событий, как и правления государей домов Инь или Ся. Известно лишь, что гибель царя Чжао окружена мраком: «царская добродетель («ван дао») ослабела».

Она набрала силу при сыне Чжао царе Му. По правде говоря, рождение Му было чудесным. Это герой. Как и его предка царя Вэня, его воспевали поэты. Он также действующее лицо приключенческого романа и один из излюбленных персонажей сказителей, повествующих об экзотических странствиях. Его особенно прославило большое путешествие на Дальний Запад. В литературной традиции оно приобрело характер то ли экзотического странствования, то ли ряда паломничеств к святым местам. Но историческая традиция рисует их крупным военным походом и на этом основании осуждает. Она приписывает одному мудрому вассалу длинный выговор царю. Его темой стала мысль, что силой оружия не следует и пытаться исправить вассалов и варваров, не приносящих дани для царских жертвоприношений. В этом случае существует только одно целительное средство – «осуществлять свою Добродетель», а не посылать народ (армию) на страдания в отдаленных областях. В качестве морали история утверждает, что царь Му действительно не добился ни малейшего успеха и вернулся из похода против западных жунов лишь с четырьмя волками и четырьмя белыми оленями. С того времени вассалы пустынных областей прекратили приезжать ко двору. Еще царю Му приписывают провозглашение уголовного кодекса. Он должен был его ввести, потому что «среди знатных лиц имелись и такие, кто не поддерживал согласия».

У его наследников было еще меньше Добродетели, которой не хватало царю Му. «Поэты посвящали им сатиры». Упадок стал особенно ощутим во времена царя Ли, столь глупого, что он принялся копить богатства, хотя «государь обязан распространять состояние и распределять его как в верхах, так и в низах, с тем чтобы среди богов, людей и всех существ каждый достигал наивысших ступеней». Для того чтобы заставить замолчать своих критиков, он прибежал к колдунам: ничего не было более губительного, чем эта его попытка «заткнуть рот народу». Он был вынужден уйти с престола. Началось междуцарствие (841–828), во время которого два царских помощника совместно осуществляли власть (Гунхэ). После смерти Ли они передали власть царю Сюаню (827–782). Последнего история упрекает в том, что он практически никогда не совершал царской пахоты и провел перепись населения, что запрещалось. Кроме того, известно, что он слишком дорожил негой и что ему пришлось испытать засуху. Но он исправился и сумел проявить смирение и признаться в своих ошибках. По словам одних, именно после этого Добродетель царей Чжоу обновилась. Напротив, другие настаивают на мрачном конце Сюаня: он был убит стрелами, которые выпустил призрак одной из его жертв, испытав поражение на том самом поле, которое отказался пропахать. Что касается богохульства, каковым была перепись, вся его тяжесть пала на его сына, царя Ю (781–771). Он также потерпел поражение от варваров и был убит. Он любил красивую и ловкую женщину Баосы, чей длинный язык навлекал несчастья и, будучи более зловещим, чем сова, разрушал укрепления государства. Баосы родилась от пены дракона, оплодотворившего семилетнюю девочку. Любовь к ней царя Ю потрясла саму природу.

Обрушилась гора Ци, пересохли три реки. В тот момент в Китае не появилось ни одного мудреца, который обладал бы благодатным гением основателя династии, и поэтому Чжоу, чья Добродетель истощилась, не были сразу же решительно устранены.

Глава третья

Эпоха гегемонов и сражающихся царств

Титул Сына Неба сохранялся за царским домом Чжоу почти до основания Империи. Однако между VIII и III вв. протянулся период, отмеченный столкновениями престижа ради между несколькими феодальными государствами, «го». История тех лет основывается на удельных летописях. Основным источником, охватывающим период с VIII по V в., служит «Чунь цю», летопись страны Лу, родины Конфуция. Летопись содержит лишь сухой перечень фактов. Ее дополняют с помощью трех комментариев. Основной, «Цзо чжуань», основывающийся на одной или нескольких местных летописях, рассказывает относящиеся ко всем китайским краям историйки. Кроме того, помогает и «Го юй», сборник речей («юй»), составленный по областям («го»). Следующий период известен благодаря сочинению, больше похожему на «Го юй», чем на книгу летописей, а именно «Речам Сражающихся царств». Сымя Цянь написал историю той эпохи в форме монографий об отдельных уделах, которые служат добавлением к основным хроникам, посвященным последним Чжоу. Историк никак не подразделил этот длительный период. Согласно древнему обыкновению проводится соответствующее источникам различие между временем, охваченным в «Чунь цю», и эпохой Сражающихся царств. Следовало бы писать «Сражающиеся уделы», но говорят о царствах, ибо в те времена многие владыки отдельных уделов приняли титул царя. Некоторые из них были определены как гегемоны. Впрочем, обычно традиция сохраняет это наименование лишь за пятью персонажами, жившими в VII в.; она противопоставляет эру Пяти гегемонов эпохе Пяти государей и Трех династий. Первыми гегемонами стали князья крупных феодальных доменов, которые попытались дать Китаю новую царскую династию и сыграли важную роль в период Сражающихся царств. Эти князья, их преемники и подражатели пробовали заменить угасающую династию Чжоу, но история показывает первых в роли малопочтительных покровителей, а вторых – в роли открытых соперников царствующего дома.

1. Гегемоны

Словом «гегемон» переводятся два термина, которые китайскими историками зачастую применяются как взаимозаменяемые. Термином «ба» называют крупного феодала, обладающего высоким престижем и фактической властью. Термином «бо» обозначают князя, наделенного особыми полномочиями в силу отдельного решения Сына Неба. Традицией царю придавалось право возвышать либо лишать положения крупных владельцев («чжухоу»). Те по обычаю обладали одним из следующих титулов: *гун, хоу, бо, цзы, нань*. Все эти почетные наименования несли мысль о мужской либо воинской силе. В своих собственных краях все эти лица титуловались «герцогами», или «гун», но признавалось, что среди них имеется пять степеней. Существует обыкновение переводить названия этих пяти степеней знатности словами «герцог», «маркиз», «граф», «виконт» и «барон». Герцоги и маркизы образовывали высший слой, остальные – слой низший. Слово «бо» («граф»), однако, служило еще и обозначением вождей (слово «фанбо» равнозначно слову «гегемон»), которым поручалось обеспечивать порядок в одном из краев империи («фан»). Этим же термином «бо», служившим для именованья мужских божеств, пользовались для обозначения старшинства. Среди знати царем различались те, у кого было то же фамильное имя, что и у него,

и те, кто носили другое фамильное имя. Первых он звал «фу», или дядьями по отцу, и считал отцами, а вторых – «цзю», или дядьями по матери. Мандат, предоставляющий право на специальное управление, «гегемонию», вручался «бофу» или «боцзю».

Отметив, что сын царя Ю царь Пин (770–720) был вынужден перенести свою столицу на Восток, для того чтобы избавить ее от набегов варваров Запада, жунов, Сымя Цянь добавляет, что в его царствование «царский дом пришел в упадок и ослабел. Знать использовала свою силу для угнетения слабых. Принялись расти Ци, Чу, Цинь и Цзинь; власть принадлежала тому, кто в собственном крае обладал гегемонией («фанбо»)). Ци, Чу, Цинь и Цзинь наряду с Сун – это края, каждый из которых выдвинул одного из Пяти гегемонов, признанных традицией. Сыма Цянь в другом месте пишет: «В то время (при царе Хуэе, 676–652) дом Чжоу пришел в упадок. Могущественными были только уделы Ци, Чу, Цинь и Цзинь. Одно время Цзинь (область Шаньси) начало принимать участие в собраниях гегемонов, но после смерти герцога (маркиза) Сянь страдало от внутренних беспорядков. Герцог (виконт) Му из Цинь (область Шэньси) был в стороне, удален: он не участвовал в собраниях и съездах Китайской конфедерации («Чжун го»). Царь (титул был незаконно присвоен) Чэн из Чу (область Хэбэй) приступил к набору мань, варваров Юга, из области Гун и начал ими управлять... Оставалось лишь княжество Ци из области Шаньдун, способное созывать и проводить собрания и съезды уделов Китайской конфедерации. А поскольку князь Хуань из удела Ци явил доказательства своей добродетели, на проводимых им собраниях присутствовали гостями и другие владыки».

Князь Хуань из Ци (683–643) – первый из Пяти гегемонов, признанных традицией. Самый прославленный – князь Вэнь из Цзинь (636–628). Хуань из Ци мог претендовать на титул «боцзю» (гегемон-дядя с материнской стороны). Он вел свое происхождение от мудреца Тайгуна, бывшего помощником основателей династии Чжоу, а его дочь вышла замуж за царя У. Считалось, что Тайгун получил особый мандат: «Вы, князья пяти ступеней и начальники девяти провинций, обладайте же над ними правом наказания, с тем чтобы поддерживать и помогать дому Чжоу!» Князь Вэнь из Цзинь имел то же фамильное имя, что и Чжоу. История утверждает, что он действительно был введен в должность с титулом «бофу» (гегемон, дядя с отцовской стороны): «О, мой дядя... знаменитыми были цари Вэнь и У; они сумели возвысить свою блистательную Добродетель до высей, к Небу, а их известность распространилась и в глубинах! Вот почему Всевышний дозволил преуспеть мандату царей Вэня и У.

Имейте жалость к моей особе! Сделайте так, чтобы я, Человек Единственный, продолжил (моих предков) и чтобы мы (я и мои близкие) постоянно оставались на троне!» Но никакая семейная традиция, никакая инвестируемая не оправдывает наделение гегемонией трех других князей. Князь Сян из удела Сун (область Хэнань) (650–637) был отпрыском династии Инь. Его честолюбие было неуместно, ибо «Великое Счастье не посещает дважды». Сыма Цянь вообще не упоминает Сун в перечне княжеств, осуществлявших гегемонию. История, однако, сообщает как факт, что герцог Сян председательствовал на княжеских встречах. На них не председательствовали ни князь Му из Цинь (659–621), ни царь Чжуан из Чу (613–591). Правда, что позднее дом Чу едва не основал империи, а дом Цинь ее основал.

Гегемонами являются князья, не обладавшие в совершенстве духом царя-основателя. Самый прославленный среди них, князь Вэнь из Цзинь, прежде чем добился успеха, пережил все испытания бродячего существования. Его одиссея изобилует эпическими чертами. Будучи младшим сыном, он получил удел у границы, где сумел завоевать сердца обитателей. Не столько для того, чтобы избежать подосланных убийц, сколько из нежелания восставать против отца, он, однако, бежал и укрылся в краю своей матери, которая была из варваров. Там он нашел жену. Окружавший его престиж был таким, что после смерти отца жители Цзинь пришли к нему с предложением занять трон. Он его отверг, опять-таки не столько

потому, что его час еще не наступил, а из-за того, что не чувствовал себя вправе наследовать отцу, в погребальных церемониях по которому не участвовал. Тем не менее он предпринял поездку по наиболее могущественным уделам. Это путешествие еще больше прославило. Он терпеливо выслушивал оскорбления тех, кто его не признавал. Когда в ответ на просьбу дать поесть он видел, что ему протягивали комок земли, умел сдерживать первую *вспышку гнева* и принимал этот комок земли как символ выдвижения. Тем же, кто верил в его добродетель и в подносимом рисе прятал нефритовую пластину, знак командования, он возвращал нефрит, но оставался признателен. Его хорошо приняли в Ци. Он получил там жену. Рядом с ней он решил жить и умереть. Он отказывался искушать Судьбу. Именно его жена, заботившаяся о его славе, заставила его продолжить путь. Хотя в Чу его подстерегала опасность, он отказался играть будущими судьбами своей страны, давая опрометчивые обещания. Предугадывавший в нем соперника князь Чу так и не решился отдать приказ об его убийстве. «Кто мог бы устранить того, кого Небо решило вознести? Сопrotивляться Небу – значит определенно навлекать на себя несчастья!» Говоря о князе Вэнь, повсюду повторяли: «Ничто не может поразить того, перед кем Небо открыло (путь)». Спутники его, мудрецы, преданно следовали за ним. Один из них в особенно тяжелый день отрезал от себя часть бедра, чтобы его накормить. Он никогда не хвалился своим поступком: он считал, что князь должен лишь Небу, которое открывает перед ним путь. Под угрозой смерти отец отказался отозвать своих сыновей, служивших будущему гегемону. Наконец, князь Вэнь двинулся в Цинь. Там он получил пять жен. Войска Цинь с победой доставили его в родной край. «Тогда он распространил свои благодеяния на Сто семейств». Он вознаградил «тех, кто направлял его своей добротой и своей справедливостью, подкрепленной их добродетелью и их благодеяниями», затем и тех, кто оказывал ему только материальную помощь. Он добивался гегемонии, но только ради того, чтобы воздать почести Чжоу. Он побудил царя Сяна (635) вернуться в свою столицу. А после победы над князем из Чу, который к тому же опасался напасть на него («Небо открыло перед ним путь, я не смею ему противиться»), он отпраздновал свой триумф (632), передав свой трофей в знак почтения царю. Тогда-то вместе с бесценными дарами он получил от царя и титул гегемона. Он совсем не возгордился своими успехами. Вздыхая, словно пораженный болезнью, он сказал: «Я узнал, что единственно мудрец может найти покой после победы на поле битвы». Хотя на войне он и был удачлив, удостоился прозвания «Вэнь», «цивилизатор», а не «У», «воин».

И все же Небо не одарило его совершенной Добродетелью Основателя. Если он и обнаружил многочисленные черты смирения, у него в душе сохранялась та вызывающая грубость, что мешает всякому истинному возвышению. Он, вассал, осмелился потребовать у царя, чтобы тот присутствовал на каком-то из собраний. «Читая исторические записки, Конфуций, дойдя до истории князя Вэня, сказал: «Князьям не пристало вызывать к себе царя». «Чунь цю» пишет: «Царь совершил инспекционную поездку в Хэян», для того чтобы умолчать об этом факте. Царской привилегией было соорудить подземный проход к могиле, и князь Вэнь, приказав проложить такой путь к своей могиле, нагло узурпировал чужое право. Другие гегемоны проявляли еще большее высокомерие. Напав на Чу в 656 г., князь Хуань из Ци ссылался на удачный предлог: упрекнув их в том, что они больше не отправляют дому Чжоу дань в виде свертков пырея, нужного для царских жертвоприношений. На самом деле Хуань сам намеревался, словно был царем, совершить жертвоприношение на главной горе Востока Тайшань. В 611 г. гегемон из удела Чу имел наглость потребовать от царя магические треножки, унаследованные Чжоу от Инь и Ся. Эти творения основателя царства Юя Великого были царскими талисманами, и их вес был слишком тяжел для всех тех, чья добродетель была недостаточной. Опьяненный своей победой, гегемон княжества Цинь имел намерение принести в жертву Всевышнему пленного князя, хотя только царь мог почтить Всевышнего подобным жертвоприношением. В его могилу за ним последовали многочис-

ленные человеческие жертвы. Мудрецы говорили: «Князь Му из удела Цинь увеличил свою территорию и приумножил свое государство;... однако он не председательствовал на собраниях знати: именно это и должно было случиться, ибо он приказал после своей смерти принести ему в жертву лучших из собственного народа... Так стало известно, что Цинь больше не сможет править на Востоке».

Во время периода, описанного в «Чунь цю», Китай не мог наслаждаться миром, ибо ни один царь в столице, ни один князь в крупных государствах не обладал соответствующей Небесному порядку Добродетелью. Однако же, несмотря на насильственные захваты скромных уделов, несмотря на войны между крупными государствами, несмотря на постоянную враждебность Цзинь к Цинь и к Ци, а особенно к Чу, это время познало своеобразное внутреннее согласие. Его поддерживал обычай проведения съездов и заключения межкняжеских договоров. На этих собраниях и при заключении этих договоров почти всегда председательствовали князья Цзинь, удела самого прославленного из гегемонов, к тому же носившие то же фамильное имя, что и Чжоу. Знать добивалась того, чтобы поддерживалось определенное равновесие, основывавшееся на уважении царских прав, на сохранении уже достигнутого положения и некоторой подчиненности князьям Цзинь. Славен договор 562 г.: «Мы все клянемся на этом договоре («мэн»), что мы не будем собирать урожаи, не будем захватывать прибыли («ли»), не будем защищать виновных, не станем укрывать зачинщиков беспорядков; мы придем на помощь тем, кто страдает от природных бедствий или катастроф, мы проявим сочувствие к тем, кто в беде или несчастье. У нас будут одни и те же друзья и одни и те же враги. *Мы поможем царскому дому.* Если кто-нибудь нарушит это постановление, то пусть Покровители истинного, Покровители договоров, Достопочтенные горы, Достопочтенные реки, все Боги (гор и холмов), все Боги домов (и городов), все усопшие Цари, все усопшие князья, Предки Семи Семейств и Двенадцати Уделов, пусть эти Боги того уничтожат! пусть покинет того его народ! пусть утратит он (Небесный) мандат, пусть погибнет его род! пусть будет низвергнут его удел!»

Истинный мир, достигнутый мудрым князем, бескорыстным опекуном царской семьи, – вот идеал, который традиция и его биографы приписывают Конфуцию (551–479). Жизнь этого святого завершает период, охваченный «Чунь цю». Конфуций ощущал себя наделенным высшей задачей. Он мог бы ее выполнить, стань он помощником князя и вдохновителем его политики. Но большую часть своей жизни он провел в странствиях от удела к уделу в поисках того, кто сумел бы использовать его талант. Он всем предлагал «следовать правилам Трех династий и вернуть почитание политики князя Чжоу».

Тот сумел упрочить власть нарождавшейся династии Чжоу, добродетель которой надлежало восстановить. Конфуций думал, что «если бы нашелся князь, который был бы способен воспользоваться им, то по завершении двенадцатимесячного цикла у него уже был бы готовый результат; в конце трехлетнего срока было бы достигнуто совершенство». Вера Конфуция в собственное предназначение была абсолютной. Он удивлялся своим неудачам. Даже в наихудшие мгновения он не решался подумать, что его мудрость недостаточна. «Когда достигли совершенной мудрости, – говаривал он, – и остаются без занятия, то стыдно для правителей». История оплакивает неудачу Конфуция, но несколько ей не удивляется. Похоже, она склонна допустить, что в начале V в. вера в немедленную действенность основывавшейся на соблюдении традиционных правил Добродетели ослабела.

2. Тираны

V, IV и III вв. представляются как период анархии и время крупного нравственного кризиса. Большие государства почти полностью завершают поглощение малых уделов. Порядок в обществе более не основывается на традиции и протокольных правилах. Жажда могуще-

ства открыто торжествует над заботой о равновесии. Князья больше не знают, что им делать с Добродетелью, престиж которой считается самодостаточным. Наряду с самыми разнообразными формами престижа они добиваются материальных выгод и увеличения могущества. Они склонны к нововведениям и всегда готовы их оправдать либо прецедентами, либо ссылками на софистическую теорию истории. Это тираны.

«Нравы древних царей не были одинаковы... Успех святых людей (древности) достигался благодаря тому, что они правили, не оглядываясь друг на друга. Следовать установленным законам – это достоинство, но оно не способно поднять человека над его эпохой. Для регламентации современности недостаточно изучения, берущего за основу пример древности. Святой человек, когда это на деле может быть полезно его царству, не будет добиваться единообразия обычаев. Он не будет добиваться единообразия обрядов, если сочтет, что таким способом сможет примениться к обстоятельствам». Так выражался князь (307 до н.э.), желавший перенять одеяния и вооружение варваров. «Он не обсуждает с толпой» свои замыслы великих дел и жажду завоеваний. «Он не дорожит согласием с вульгарным», хотя его целью и остается «достижение совершенной Добродетели». Добродетель продолжает оставаться целью, однако представление о ней примиряется, как говорят, с революционным духом.

В момент, когда кругозор включает более широкие представления, нам показывают растущее могущество расположенных на обочине прежней Китайской конфедерации стран. Эти страны воспринимают варварские влияния и распространяют их по Китаю. Два князя, живших в начале этой варварской эпохи, наиболее прославили себя в те новые времена. Это Хэлу (514–496), царь У (У, или Аньхуэй, строго говоря, он является графом) и Гоуцзянь (496–465), царь Юэ (Чжэ-цзянь). Оба правили татуированными, носящими короткие волосы народами. Иногда их называют гегемонами. С классическими гегемонами они делят славу обладания мудрыми советниками. Однако те не являются подданными, связанными с их уделами; нельзя их назвать и советниками, носителями традиционной мудрости, каким хотел бы быть их современник Конфуций. Один, У Цзысю, перебежчик, другой, Фань Ли, загадочная личность с неизвестным прошлым. Маскируясь под древнюю риторику, их советы вдохновляются реалистической политикой. Победитель У Гоуцзянь расположен проявить милосердие к тому, кто некогда пощадил его после победы. Некогда, сказал ему Фань Ли, «Небо принесло Юэ в дар У. Царство У не приняло дара. Теперь же Небо приносит У в дар Юэ. Как может Юэ противиться воле Неба (и не захватить У)? Не принимая даров Неба, себя подвергают невзгодам». В эпоху первых гегемонов не решались отказать сопернику в зерне, если он испытывал голод. Рассказывают, что Гоуцзянь, побудив соперника предоставить ему зерно, возрадовался этой щедрости словно проявлению безумия и воспользовался ею, чтобы победить. История восхваляет его победу и оправдывает его расчетливость. Помимо зернового займа изворотливый политик знал еще восемь приемов для разорения своего противника. Первый заключался в почитании божеств. Все другие были по своему характеру более реалистичны и жестоки.

Гоуцзянь владел дипломатией. У него была также аграрная политика и политика поощрения рождаемости, подчиненные военным задачам. К тому же страна, которая в предшествующий период считалась наполовину варварской, в V–III вв. постепенно добилась заметных успехов, став государством законодателей и экономистов. В 361 г. «князь Сяо из Цинь показал себя благодетелем; он поддерживал сирот и людей одиноких; призвал к себе военных людей; вознаграждались те, кто блистал заслугами». Перебежчик Вэй Ян, правитель области Шан, связал свою судьбу с домом Цинь. В 359 г. он заставил «изменить законы, реформировать наказания, поощрять пахоту... воодушевлять поощрениями и наказаниями тех, кто готов отдать жизнь, сражаясь». В 350 г. в Сяньяне была выстроена новая столица. Все мелкие деревушки и местечки были собраны в крупные уезды (числом 41); во главе

каждого уезда поставили уездного голову... Отказавшись от традиционного раздела крупных квадратов земли на девять равных квадратов, разрушили вертикально и поперечно проходившие через поля дороги и создали новые поля; старая традиционная дань продуктами урожая с девятого квадрата (дань с девятого) была в 348 г. заменена системой налогов. Оказались сломаны все традиции феодального уклада. Перестала быть орудием божьего суда и наказания виновных война, превратившаяся в ремесло. Ее целью больше не было наказание виновных, а уничтожение врага. Она стала кровавой. О Цинь говорили, что там казнят пленных и добиваются истребления противника. После каждого сражения головы отрубались десятками тысяч. В историю царство Цинь вошло как край беспощадных зверей.

Некогда идеалом был князь, выращивающий огурцы и арбузы, которые невозможно сохранять. Ему надлежало остерегаться накапливать зерно. Теперь же, напротив, целью стало создание запасов и накопление сокровищ. Роскошь и траты сменяют былую умеренность. Пришло время великолепных князей. Им приписывают все черты, что раньше использовались при описаниях распущенных царей угасающих династий. Они живут в окружении женщин, музыкантов, шутов, гладиаторов, софистов и воинственных забияк. Засады и убийства из-за угла превращаются в политические средства. Больше нет тормозов ни у жестокости, ни у гордости. Погребальные церемонии превращаются в повод ужасающих триумфов. Хэлу из У (514–496) захоронил вместе с дочерью неслыханные богатства. Кроме того, он жертвует ей в одно время с танцорами группы юношей и девушек из народа. Охваченные лихорадкой честолюбия, князья не отступают перед самыми соблазнительными деяниями. В 318 г. Янь из удела Сун провозглашает себя царем под именем Кана. По ночам он устраивает пиры, бесконечные пьянки, на которых гремят здравицы: «Десять тысяч лет! Десять тысяч лет!» Он сжигает дощечки божеств почвы, сечет Землю и, наконец, – он был потомком Уи – пускает стрелы в Небо. Так он хочет утвердить свое превосходство над всеми богами.

Как и положено, оргии заканчиваются катастрофами. Усилия мудрецов ничего не дают, и анархия распространяется. Мудрецы приходят в отчаяние. У них нет выхода, кроме смерти. Так объясняется судьба мудреца и поэта, принца крови из дома Чу Цюй Юаня. Царь Хуай (328–299) совершенно не желал прислушиваться к его советам. Напрасно Цюй Юань призывал поэзию на помощь Добродетели: напрасно в своей поэме «Лисао», этой широкой аллегории, напомнил он своему владыке, что поиск святого советника необходим не меньше, чем поиск совершенной невесты: завоевание Добродетели – единственное, к чему должен упорно стремиться достойный им называться князь. Цюй Юань, будучи отстранен, изгнан, обречен на бродяжничество, не стал, подобно Конфуцию, хвататься за надежду. У него полностью исчезла вера в Добродетель. «Где великолепие? Где нищета? Что нужно избегать? За чем нужно следовать? Грязное болото – вот наш век! Чистого больше ничего нет!.. Восхваляют доносчиков! А благородные мудрецы не имеют известности!» Решившись уйти от всего этого, он изливает накопившуюся горечь старому рыбаку: «Весь мир, все люди грязны, а чистый один лишь я. Все люди везде пьяны, а трезвый один лишь я». – «А если все люди везде пьяны, почему б не дожрать барду и не выпить осадок до дна?..

*Когда чиста цанланская вода-вода,
В ней я могу мыть кисти моей шапки,
Когда ж грязна цанланская вода-вода,
В ней я могу и ноги свои мыть...»*

– ответил рыбак.

Так голосом из народа были осуждены прямота и преданность. Цюй Юань уходит, чтобы броситься в воду. Коррупция имеет всеобщий характер. Похоже, что времена мудрости и чести миновали.

Глава четвертая Имперская эпоха

Основание Китайской империи выглядит в истории не завершением, а увенчанием эры анархии и произвола. Описывая период, простирающийся до царствований, в ходе которых династия Хань прочно закрепилась, исторические рассказы вдохновляются эпическими романами и желчными памфлетами, придающими немного патетики скудным хроникам. Далее они включают официальные документы; их цель, прежде всего, описать дворцовые интриги, или, как говорит Сыма Цянь, «дела семейные». В историях династий стараются судить о достоинствах императоров. Хотя иной раз их авторы и соглашались, что при некоторых императорах Китай «наслаждался покоем», прежде всего там подчеркивается тот факт, что Высшая добродетель никогда не могла быть восстановлена в ее природной великолепии.

1. Династия Цинь

В 256 до н.э., когда царь Нань из дома Чжоу, лишенный абсолютно всего, умер, не оставив потомства, царство угагло⁵¹. Именно тогда царь удела Цинь захватил династические треножки дома Чжоу.

С 221 г. Китай больше не являлся конфедерацией князей под властью сюзерена-царя и стал империей. Новой организации было суждено продлиться долгие столетия. Однако же основатель империи по почти что единодушному суждению считается худшим из тиранов.

Титул царя князя из дома Цинь приняли еще в 325 г. Именно 325 г. царь Хуэйвэнь рассматривал как начальный. Именно тогда он реформировал установленный порядок жертвоприношений конца года. Но ни он, ни его преемники не думали изменять китайскую организацию. Они ограничивались тем, что преумножали свои победы и расширяли границы своих владений. В 247 г. на престол в Цинь взошел Чжэн. Ему было тринадцать лет. В 221 г., совершив блистательные завоевания, он мог объявить, что Китай полностью умиротворен, и потребовать от своих советников, чтобы ему был найден титул «в соответствии с его заслугами». Советники, приняв во внимание, что ныне «законы и распоряжения исходят от одного вождя и что с далекой древности ничего подобного не существовало», предложили титул Верховного августейшего (Тай Хуан). Но сам Чжэн, желая получше отметить, что несет в себе всю Добродетель, характерную для времен, когда царили Трое августейших и Пять суверенов, выбрал себе титул Августейшего Суверена, Хуанди. Он решил, что отныне будет называться Первым Августейшим Сувереном, Ши Хуанди, тогда как его преемники будут должны называться «Вторым», «Третьим» и так далее, до «Тысячного и десятитысячного поколений». Следуя примеру основателей династии Чжоу, он в знак «посмертного почитания» наделил почетным титулом своего предшественника. Установив императорский титул (выражение «хуанди» переводится словом «император»), Ши Хуанди (история обычно называет его Цинь Ши Хуанди в память об уделе, из которого происходил первый император) определил значимые Эмблему и Число династии, которую он основывал. В качестве Числа-эталона он выбрал Шесть, а правил, основываясь на Добродетели стихии Воды. Таким образом был определен и цвет одеяний и знамен. Им стал Черный, соответствовавший Шести и Воде. Официальные головные уборы, а также таблички соглашений насчитывали по шесть вершков. Шесть ступней образовывали один шаг. В запряжке имелось шесть лошадей. Поскольку Вода, Шесть и Черное соответствовали началу строгости, получала направление правительственная политика: все должно было решаться в соответствии с законом и справедливостью, а не в духе доброты и сотворения блага. Так, правительство увязывало

свою деятельность с Добродетелью стихии, под знаком которой будут протекать новые времена. Были обновлены Время и Календарь.

Введя новую эру, Августейший Суверен посетил все области своей империи. Он совершил паломничества к святым местам. Но Боги дурно приняли того, кто, управляя на основе принципов, выработанных в эпоху тирании, утверждал, что установит «царство суровости и насилия». «Буря ветра и дождя» встретила Цинь Ши Хуанди на горе Тайшань. Когда он пожелал подняться на гору Сян, божества горы, дочери государя Яо, напустили на него такой силы ветер, что он только с огромным трудом смог пересечь реку Янцзы-цзян. Он приказал трем тысячам осужденных вырубить лес на горе Сян, а саму гору выкрасить в красный цвет, словно преступника. Только тиран осмеливается не склониться перед проявлением воли Неба. И действительно, в Цинь Ши Хуанди не было ничего от добродетели истинного государя: он так и не смог извлечь из реки Сы исчезнувший в ней царский треножник дома Чжоу. По правде говоря, ничего чудесного не было и в его рождении. Он не был сыном своего законного отца и конечно же не был Сыном Неба. История нам сообщает, что он родился от наложницы, которая вошла в княжеский дом, будучи на втором месяце беременности от своего первого хозяина. Ши Хуанди не знал никакой жалости. Своего природного отца он вынудил покончить самоубийством, а мать преследовал. Более того, он преследовал людей образованных.

Мудрые государи древности, вроде Юя Великого, тело которого служило мерилom расстояний, осуществляли единство Китая мирным распространением своей Добродетели. Цинь Ши Хуанди его добился с помощью грубой силы. Конечно, он открыл свое царствование радостным пиром и, собрав все оружие, отдал его расплавить; однако же он не распределял захваченные драгоценности и земли. Хотя он и сделал единообразными законы и правила, меры веса и меры длины, размеры осей и иероглифы письменности, но лишь для того, чтобы *присвоить всю Империю и избежать ее деления на уделы*. Будучи самодержцем и революционером, он пренебрегал традицией царей Вэня и У. Вся партия традиционалистов критиковала его нововведения. Как поддерживать порядок без дарованных земель? В 221 г., опираясь на перебежчика Ли Сы, Цинь Ши Хуанди подтвердил свои решения. Однако оппозиция упорствовала. В 213 г. ученый с обширными знаниями вновь повторил подкрепленные прецедентами упреки: «Ваш подданный слышал слова, что царствования домов Инь и Чжоу продолжались более тысячи лет: так было потому, что государи этих династий выделяли уделы своим сыновьям, своим младшим братьям, своим выдающимся подданным, с тем чтобы они становились опорой. Сейчас ваше величество владеет всеми землями в окружении морей, тогда как его сыновья и его младшие братья всего лишь простые подданные... Если в деле не принимается во внимание пример древности, но тем не менее хотят себя увековечить, то, насколько мне известно, это никогда не удавалось».

Со своей стороны Ли Сы приводил доводы в противоположном смысле: «Пять государей никогда не повторяли друг друга, Три царские династии ни в чем не подражали одна другой... ведь времена изменялись. Сейчас ваше величество впервые совершило великое деяние и положило начало славе, которая продлится десять тысяч поколений: именно этого глупые ученые не способны понять. В древности Китай был раздроблен и не знал мира; не нашлось никого, кто был бы способен его объединить; вот почему князья процветали все вместе. В своих речах ученые талдычат о древности, чтобы оболгать современность... Они соблазняют народ преумножать клевету. При таком положении вещей если этому не воспротивиться, то наверху положение государя будет принижено, а внизу укрепится власть сообществ... Я предлагаю, чтобы официальные истории, кроме хроники царства Цинь, все были сожжены, а те, кто все еще укрывает у себя «Ши цзин», «Шу цзин» и «Речи Ста школ», были принуждены сдать их властям для последующего сожжения». Цинь Ши Хуанди посмел одобрить требование Ли Сы. Он постановил, что все нарушители будут казнены вместе с

сородичами. Тем не менее оппозиция традиционалистов не прекращалась. После расследования, «в ходе которого ученые обвиняли друг друга», император приказал для примера казнить из их числа четыреста шестьдесят человек. Произошло это в 212 г.

В 211 г. на метеорите обнаружили такую надпись: «По смерти Ши Хуанди империя распадется». Гений вод вернул императору нефритовое кольцо, которое некогда тот бросил в Янцзы-цзян, чтобы умиловить эту реку. Таким путем Цинь Ши Хуанди узнал, что умрет в том же году. С тем большей настойчивостью продолжал он выискивать разные экзотические средства, на могущество которых надеялся, раз уж боги от него отвернулись. Со времени вступления на престол он построил в Сяньяне пышную резиденцию, в которой были повторены дворцы всех уничтоженных уделов. Там держались женщины из захваченных гаремов, хранились барабаны и бубны побежденных князей. Он перевез в свою столицу самых богатых и самых могущественных людей Империи, числом в 120 тысяч семей. В своем дворце в Шанлине он заставил соорудить мост наподобие того, что переброшен через Млечный Путь и соединяет созвездие Тянь-цзи (вершину Неба, жилище высшего единства Тайи) и Инчжи, являющийся небесным Храмом Очищений. Его двести шестьдесят дворцов соединялись крытыми переходами: император мог там перемещаться, оставаясь невидимым. Было важно, чтобы никто не знал, где точно находится император, и это для того, чтобы он мог вступить в общение с Бессмертными, которые иначе оставались бы недоступными. Ведь Бессмертные появляются только при условии, что не столкнутся со злыми духами: «Богам мешает, если место, где обитает владыка людей, известно его подданным». Император созвал отовсюду великое множество колдунов, чтобы найти эликсир бессмертия. Он желал бы стать Человеком истинным, способным «войти в воду и не намочить, войти в огонь и не обжечься, взмыть на облака и туманы, быть вечным, словно Небо и Земля». Он так и назвал себя сам – «Человек истинный». В 219 г. он отправил многие тысячи юношей и девушек на поиск островов, где обитают Бессмертные. В 211 г. он сам отправился на берег моря. Огромная рыба цзяо помешала его посланцам обнаружить Острова Блаженных. Сначала следовало бы убить рыбу выстрелами из лука. Но никто не обладал подобным могуществом. И вот Цинь Ши Хуанди приснилось, что он сражается с морским псом с головой человека. Он взял лук и стал ждать появления великой рыбы. С вершины святого места Чжифу, где приносились жертвы владыкам Ян и Солнца, он наконец заметил рыбу. Он пустил стрелу, и рыба была убита. Почти сразу же император заболел и вскоре умер. Это случилось в 210 до н.э.

Тело его было в великой тайне доставлено в столицу, а «чтобы скрыть дурной запах», экипажи кортежа загрузили большим количеством соленой рыбы. Похороны императора стали апофеозом. Они освещались неугасимыми факелами, которые были изготовлены из жира рыбы-человека («жэнь-юй»). Тем временем, пока внизу с помощью механизмов не переставая передвигали к морю реки ртути, изображавшие Синюю и Желтую реки, а наверху были представлены все изображения знаков Неба, могила, обеспеченная всем астрономическим и географическим оборудованием, была выкопана семьями тысячами осужденных и кастрированных людей до такой глубины, что достигала Подземных источников. После того как туда было внесено тело, там вместе с ним оставили всех устанавливавших механизмы и укрывавших сокровища ремесленников. Более того, за императором в смерти последовали все его жены, у которых не было детей. Так оказались превзойдены жестокости Хэлу и князя Му, предка Цинь Ши Хуанди, о котором было сказано, что «Цинь больше не сможет править на Востоке».

Династия Цинь оказалась уничтожена в 207 г., почти сразу же после смерти своего основателя. В 211 г. советник Ли Сы и евнух Чжао Гао отстранили от наследования трон сына Цинь Ши Хуанди, которого подозревали в верности традициям, и возвели на трон другого сына покойного императора, Хухая, известного под названием Эр Ши Хуанди (второй

император). Как и его отец, Эр Ши объехал империю и жил невидимым, так что «звук его голоса не был слышен». Он также множил повинности и казни и царил, не творя добро. Империя восстала. В 208 г. по наговорам Чжао Гао был казнен Ли Сы. Немного погодя после того, как был убит Эр Ши, на царство был призван его племянник Цзыин. Он в 207 г. приказал казнить зловещего монстра Чжао Гао, но сразу же был вынужден сдаться мятежникам в костюме побежденного князя.

Вот непосредственное суждение истории о тех временах: «Цинь Ши Хуанди управлял вселенной, размахивая своим большим кнутом... Он уничтожил князей... и навязал свой закон шести направлениям Пространства. Он действовал плетью и розгой для порки империи. Его могущество заставило трепетать Четыре моря. На Юге князя Ста Юэ, склонив голову, вверили свою судьбу низшим офицерам... На Севере Ху больше не решались спускаться к югу, чтобы пасти своих коней... (Но) Цинь пренебрег примером поведения древних царей и не последовал ему; для того чтобы народ стал глупым, он сжег учения Ста школ... убил выдающихся людей... (если он и расплавил по всей империи оружие, то ради того, чтобы изготовить) Двенадцать металлических людей и ослабить народ... Он вскармливал низменные и своекорыстные чувства... Из тирании он сделал основание империи... (Если бы он) управлял, следуя принципам древних поколений... беды бы не случилось, хотя один из его наследников и оказался развращен и заносчив». Завоевания Цинь Ши Хуанди едва припоминаются, хотя он расширил пределы империи по всем ее границам, а его имя «внушало ужас чужим народам» даже после его смерти. «Человек с торчащим носом, большими глазами, с грудью хищной птицы и голосом шакала, причем его сердце, лишённое доброты, напоминало сердце тигра или волка... (готового) пожирать людей». В этом сатирическом куплете, состоящем из устоявшихся штампов, заключен единственный портрет основателя их национального единства, который китайцы нам оставили.

2. Династия Хань

За тиранией, увенчавшей феодальную анархию, последовала столь же пагубная анархия. Мятеж начался в стране Чу, одном из самых грозных былых соперников Цинь. Сначала его вождем был человек, «родившийся в доме, где окном служила горловина разбитого горшка, а дверные петли заменяла веревка». Мятеж быстро охватил весь Китай, и с 208 г. большинство крупных феодальных государств было восстановлено. Как только члены династии Цинь были устранены, их победители провели крупный раздел империи. Но вскоре между двумя самыми могущественными вождями, Сян Юем и Лю Баном, вспыхнуло соперничество. Сян Юй изображается мужественным, великодушным и порывистым воином. Лю Бан, напротив, осторожен, хитер, упорен. Сян Юй победил в семидесяти битвах, он и умер в бою, после того как высказал свои сожаления, оплакал жену и любимого коня. Даже в свои последние мгновения не захотел он покаяться в собственных ошибках. Он произнес чудовищное богохульство: «Небо губит меня!» Лю Бан был скромн. В 202 г. он основал династию Хань и после смерти получил имя Гаоцзу, Верховный предок.

Гаоцзу был «добр, дружелюбен и любил прибегать к широким жестам». В начале это был совершенно ничтожный чиновник, презираемый за свою необразованность и бесстыдство. Его удача началась со времени женитьбы на дочери почтенного Лу. Тот сразу же разглядел в нем человека с особым предназначением. Действительно, Гаоцзу «имел красивую бороду, у него был лоб дракона». Некогда его матери на берегу пруда «приснилось, что она встретила с божеством. В то же мгновение прозвучали удары грома и засверкали молнии... (Прибежавший муж) увидел над своей женой дракона цзяо. После этого приключения она забеременела и родила Гаоцзу». Позднее, когда Гаоцзу спал, над ним появился дракон. Он убил змею, бывшую сыном Белого государя. Тогда все слышали горевавшую старуху,

которая причитала, что ее ребенок был убит сыном Красного государя. Над тем местом, где находился Гаоцзу, всегда держался загадочный туман. Обеспокоенный Цинь Ши Хуанди постоянно повторял: «В юго-западном крае есть воплощение Сына Неба!» Но ему никак не удавалось захватить предполагаемого соперника. Гаоцзу был отмечен судьбой. Тщетно Сян Юй одерживал свои семьдесят побед; на левом бедре Гаоцзу имелось семьдесят две черные точки. [Жертвоприношение в память основания династии в прошлом совершалось семьюдесятью двумя государями. К тому же число семьдесят два – это излюбленное братствами число.

За Гаоцзу постоянно следовал отряд преданных ему людей. К нему присоединялись выдающиеся люди, которые становились его советниками и полководцами. «Он умел их использовать и потому овладел империей». «Как только он завоевал и умиротворил пространство между Четырех морей, то сразу же его распределил, выделив уделы всем, кто имел хоть какие-то заслуги, и дав им титулы царей или гунов». Он принял титул императора после того, как три раза его отверг, и исключительно «ради блага государства». Заболев, он решительно отказался от лечения, ибо, сказал он, «Судьба определенно зависит от Неба». После его кончины в 195 до н.э. трон мирно перешел к его сыну. Впрочем, нельзя не заметить, что его царствование было дополнено долгими годами регентства его жены. Она сыграла немалую роль в его возвышении. «Жесткая и непоколебимая» императрица Люй еще при жизни мужа сумела под благовидными предложениями послать на эшафот влиятельных, получивших уделы вождей, которые могли бы взбунтоваться. Став вдовствующей императрицей, она сумела наделить членов своей семьи царскими доменами, дабы уравновесить чрезмерную власть, которой ее муж наделил своих собственных родителей. Она выбирала и свергала номинальных императоров. Она отравляла и приказывала убивать. Свое господство вдовствующая императрица утвердила решительным жестом (рассказ о котором приводится в качестве замечательного примера точности и достоверности, свойственных китайским историкам): она приказала отрубить ступни и ладони «фужэнь» Ци, любимой наложницы Гаоцзу. «Она вырвала ей глаза, сожгла уши, заставила ее выпить снадобье, лишившее ее дара речи, и, бросив в отхожее место, прозвала человеком-форелью». Несколько дней спустя, когда «фужэнь» еще была жива, она показала ее императору, сыну Гаоцзу, который зарыдал и заявил, что больше не хочет царствовать. После смерти императрицы в 180 до н.э. вспыхнуло острое возмущение против членов ее семейства. Однако это были «семейные дела», империя же наслаждалась спокойствием. Тогда-то на престол взошли императоры Вэнь, цивилизатор, а после него Уди, воин, при которых престиж династии достиг своего апогея.

У императора Вэня (180–157) «имелась одна забота – своей Добродетелью реформировать народ: вот почему вся страна от моря и до моря процветала и благоденствовала благодаря справедливости и обрядам». Он отметил свое царствование многочисленными указами, мотивировки которых вдохновляются древними обычаями и гуманитарными соображениями. О них оповещалось на Совете. Неужели император опасался, что его указы могут счесть продиктованными личными или династическими соображениями? Во всяком случае, он старался представить их так, словно ему их подсказали советники. Но ему принадлежит слава изложения принципа: «Небесный путь («Тянь дао») желает, чтобы беды наступали в результате отвратительных деяний, а процветание приходило благодаря Добродетели. Ошибки всех чиновников не могут не корениться во мне самом». В 167 до н.э. он уничтожил должность тайного заклинателя и запретил применять обряды, с помощью которых ответственность за вину перелagалась на нижестоящих. Кроме того, он запретил «возлагать на его особу все совершенное счастье». Если бы он один пользовался полученным благодаря жертвоприношениям счастьем, а народ не имел своей доли, то это было бы, по его собственным словам, «тяжким проявлением нехватки добродетели». Он щедро одарял богов. Он умел быть смиренным. Подвергшись в 162 до н.э. нападению со стороны сюнну, он признавался: «Я не

способен далеко распространять мою добродетель, потому что несовершенен. Из-за этого иногда получается, что внешние по отношению к моей территории страны не знали покоя, а те, кто живет за пределами Четырех пустынных областей, не жили мирно». Войне он предпочитал «союз и породнение». Вынужденный сражаться, он приказывал воинам «не проникать глубоко на территорию врага из опасения насилий над населением». Когда царь из Наньюэ объявил себя императором-воином, он не только не был раздражен, но осыпал подарками братьев царя, «таким способом отвечая благодеяниями. И тогда царь снял с себя титул императора и объявил себя подданным». Некоторые из государственных служащих поддались соблазну коррупции. Вместо того чтобы отдать их под трибунал, император Вэнь послал им денег из собственной казны, чтобы они «сгорели от стыда». Когда империя пострадала от засухи и саранчи, император «приумножил благодеяния... сократил расходы на одеяния... открыл собственные амбары». Себе он выстроил скромную могилу; приказал, чтобы его похороны происходили без пышности. И далекий от того, чтобы потянуть за собой подданных в могилу, облегчил для них строгость и продолжительность императорского траура.

Император-«цивилизатор» предпринял усилия восстановить в первоначальной чистоте Верховную добродетель. Но честь отпраздновать наподобие семидесяти двух древних государей церемонию жертвоприношения «фэн», служащую для провозглашения совершенного успеха династии, выпала императору «воину» Уди (140— 87). Уже с первого года царствования «все чиновничество надеялось, что он заменит первый день года, систему мер и отпразднует жертвоприношение «фэн». [*Известно – это утверждается недоброжелательной традицией, – что императору Цинь Ши Ху-анди так же не удавалось совершить жертвоприношение «фэн», как и извлечь изреки Сы – ему мешал ДРАКОН – волшебный КОТЕЛ царских династий.*] Император Уди [подобно ПЕРВОМУ ИМПЕРАТОРУ ШиХу-анди] победил на Юго-Востоке морские народы, а на Западе – народы степи. [ПЕРВЫЙ ИМПЕРАТОР совершал для осмотра империи многочисленные поездки, и, как и он] император Уди много ездил и, подобно ему, в 113 г. отправил экспедицию на поиск Островов Блаженных, где обитают Бессмертные. В 113 г. некая колдунья обнаружила скрытый в земле котел, и официальное расследование установило, что это не было мошенничеством. Император Уди почтительно двигался перед чудесным котлом. И тогда в воздухе появился образывавший нечто вроде балдахина ЖЕЛТЫЙ СВЕТ. [*Некогда Хуанди (ПЕРВЫЙ ГОСУДАРЬ), проведший жизнь в войнах и странствованиях (он отправился на Дальний Восток, где дошел до горы Кунтун), отпраздновав в Юн жертвоприношение «цзяо», нашел стебли магического тысячелистника и КОТЕЛ на треножнике, после чего вознесся к небу на ДРАКОНЕ и стал бессмертным. Его апофеоз происходил в год, когда зимнее солнцестояние пришлось на первый день первого месяца года.*] Император Уди, в свой черед, дошел до горы Кунтун и в 113 г. отпраздновал в Юн жертвоприношение «цзяо». В 113 г. зимнее солнцестояние снова пришлось на первый день первого месяца, и в день солнцестояния император Уди совершил жертвоприношение «цзяо» в соответствии с обрядами Юн. Его помощник воскликнул: «Первый день месяца вновь стал первым днем месяца! Цикл исчерпан! Он вновь начинается!» В том же 113 г. император не смог совершить жертвоприношение «фэн», ибо вышла из берегов Река и урожая не было. Это были неблагоприятные знамения. Он совершил его в 110 г. на горе Тайшань в сопровождении только одного офицера. Вскоре этот офицер умер загадочной смертью. Жертвоприношение императора Уди было принято. Во время подготовительных церемоний «ночью появился словно бы свет, а днем белый свет поднялся в середине кургана». В 113 г., в момент жертвоприношения «цзяо», совершаемого в соответствии с обрядами Юн [*и в тех же временных условиях, что некогда благоприятствовали ПЕРВОМУ ГОСУДАРЮ Хуанди, (когда известие о смерти таинственного персонажа пришло одновременно с началом жертвоприношения, подготовившего апофеоз ЖЕЛТОГО ГОСУДАРЯ Хуанди)*], «в течение ночи чудесным образом прояснилось, а когда наступил

день, к небу поднялось ЖЕЛТОЕ ОБЛАЧКО». Император Уди для совершения жертвоприношения был одет в желтое. Новый календарь не был провозглашен до 104 г. В соответствии с ним был избран династический цвет: им стал желтый.

Летописец и официальный астролог Сыма Тань сам видел в 113 г. появление чудесной ясности и желтого света. Сыма Тань, задумавший создание «Исторических записок», – это отец Сыма Цяня, претворившего его замысел в жизнь и участвовавшего в переделке календаря. Известно, что «Исторические записки» помещают в начале китайской истории Желтого государя, Хуанди. Историк Сыма Цянь, живший в момент, когда и История, и Время начинались вновь, установил методы китайской истории. Все преемники ему подражали. Тот же самый дух не прекращал вдохновлять отбор фактов, способы их изложения, систему философского толкования.

Здесь мы прекратим наш анализ традиционалистской истории. С царствованием императора Уди история возобновляется. Династии основываются, достигают апогея, приходят в упадок, исчезают: история приписывает одинаковые причины одинаковым результатам. «Яо и Шунь жили по Добродетели: их подданные были человечны и доживали до старости. Последний из Ся, последний из Инь творили насилие: их подданные были варварами и умирали преждевременно... Когда цари желают выполнить свой долг, они учатся у Неба принципам своего поведения». Князь держит власть от Неба: история, определяя успехи царей и династий, точно взвешивает их право на царствование. Ее роль судить, какова их добродетель. Основанное на неоспоримых принципах ее суждение объективно: смешиваются суждение и объяснение, ибо история одновременно и нравственность, и материя. Она стремится отметить неотвратимые повторы в последовательных круговоротах. Ей известны только типические герои и единообразные обстоятельства. В сущности, она должна заниматься лишь одним персонажем: государем, *Человеком Единственным*, добродетель которого знаменательна для определенного момента времени. История не отличается от календаря, украшенного обобщенными картинками. Ведь и родилась-то она из рассуждений над календарем.

Книга II

Основные данные древней истории

Цинь Ши Хуанди, думавший, что построит все заново, сжег книги по истории. Напротив, цари династии Хань подчеркивали, что хотели бы исходить из почитаемой традиции. Император Уди рисовал свое царствование не как точку отправления, а как возвращение к началу и его повторение. Требовалось доказать, что во всей своей изначальной силе в нем возродилась высшая изначальная. Добродетель. Была проделана работа по религиозной реконструкции. Ее целью было оправдать с помощью нравственных суждений и конкретных наблюдений введение нового календаря. Она сопровождалась напряженным трудом по исторической реконструкции.

Именно в царствование императора Уди официальный летописец и реформатор календаря Сыма Цянь выстроил первую систематическую историю Древнего Китая. С того же царствования начинают с известной точностью проследить историю считавшихся древними сочинений.

Мы располагаем довольно основательным свидетельством самого Сыма Цяня. Он признает, что в его время из удельных летописей обладали только хрониками царства Цинь. Да и то, уточняет он, «в сокращенной и неполной редакции». Кроме того, Сыма Цянь утверждает, что «если «Ши цзин» и «Шу цзин» и появились вновь, то потому, что в нескольких экземплярах сохранились в частных домах». Бесполезно отмечать, что введенный царями Цинь запрет на книги мог применяться только с 213 по 207 г. и что он был отменен в 197 г.: книги действительно появились только много позднее.

Например, традиция допускает, что часть «Книги преданий» («Шу цзин») была в царствование императора Вэня (180–157) пересказана по памяти девятидесятилетним старцем. Другие главы якобы были найдены не ранее конца II в., когда сносились стены дома Конфуция. Забавный факт: якобы продиктованные, согласно традиции, главы были, если верить наидревнейшим свидетельствам, восстановлены на основании экземпляра книги, который также долгое время оставался спрятан в стене дома.

Древние труды были записаны лаком на собранных в связки деревянных планках (дощечках). Потребовалось немного лет для того, чтобы связки рассыпались, да к тому же древние иероглифы оказывались трудны для прочтения. Добавим, что в эпоху Цинь характер письменности был изменен.

Сыма Цянь говорит: «У семейства Конфуция (происходившего из Лу в Шаньдуне) был экземпляр «Книги преданий», записанный старыми иероглифами. Кун Аньго (потомок Конфуция) переложил его современными иероглифами».

Мало шансов на то, что переложения и пересказы, в особенности исторических трудов, вдохновлялись исключительно заботой об истине.

Известно, что «Шу цзин» неоднократно перелагалась многочисленными учеными уделов Ци и Лу. «Среди великих учителей провинции Шаньдун не было такого, кто не занимался бы «Шу цзин» в целях обучения». А как мы видели, в эпоху Хань не было более важного вопроса, чем жертвоприношения «фэн». Гора Тайшань, где решил совершить жертвоприношение император Уди, была священной в глазах жителей Лу и Ци. Приморский край Шаньдун особо ею гордился. В 122 г. князь царской фамилии с уделом в Ци, желая подольститься к императору Уди, взял Тайшань под свою руку. И опять-таки именно девятидесятилетний старец из Ци побудил в 110 г. императора Уди предпринять попытку восхождения на эту гору. Литераторы сочинили памятную записку о жертвоприношении «фэн»; всем предприятием пыталось руководить неисчислимое множество личностей, которых называли волшебниками. «Во все более значительном количестве появлялись творившие странные вещи

волшебники, желавшие поразглагольствовать о богах». Они происходили «из приморских краев Янь и Ци». «Споря о жертвоприношениях «фэн», ученые и волшебники из Шаньдуна излагали различные суждения». Все хотели завоевать милость императора. Все оправдывали свои речения ссылками на исторические примеры.

На самом же деле традиции, как и религиозные обряды, которые эти традиции пытались обосновать, были разными по своему происхождению. Они стремились внушить доверие к представителям противоположных школ и соперничавших краев, окружая тех уважением. И все же традиции послужили установлению национальной истории, упорядоченность которой впечатляет. Правда, подозрительные изначально, эти традиции вызывают еще меньше доверия в силу того обстоятельства, что в официальных версиях, где мы снова их обнаруживаем, им удалось образовать относительно неплохо согласованную целостность.

Одно наблюдение справедливо в отношении Китая всех времен. Нигде археологические находки не вызывают такого жгучего интереса, как в этой стране, и тем не менее всегда между временем находки и моментом ее публикации вклинивается довольно значительный промежуток времени. Обнаруженные тексты или предметы показываются публике лишь после того, как они становятся собственностью какой-то группировки или какого-то объединения. Те извлекают из них либо престиж, либо доход. Археологи, определяющие найденные вещи, одновременно являются и антикварами, наделяющими данные предметы сертификатами подлинности; именно к этим людям вынужден обращаться покупатель. Раскопанное сочинение сразу же попадает во владение какой-нибудь школы. Те же самые люди, которые в своем качестве специалистов и государственных советников извлекают из этих текстов выгодные сведения и решающие прецеденты, в своем качестве ученых берутся за их публикацию и критический анализ. В той же мере, в какой издания улучшаются, а критика становится более научной, текст оказывается во все более совершенном созвучии с почтенными традициями. Отнюдь не обязательно, что наиболее сходные с репродукциями в археологических альбомах древности будут наиболее подлинными. Можно считать исторические документы тем подозрительнее, чем лучше они подтверждают ставшую каноном традицию. Тексты будут особенно подозрительны, если обнаружится, что благодаря критической работе школы, которая этой традиции покровительствует, они все полнее ее подтверждают. Работа китайского критика очень напоминает труд ретушера. Он стремится подчистить тексты, с тем чтобы ничто не противоречило официальной версии. Бесконечная эрудиция была потрачена на то, чтобы сделать практически почти невозможным любое исследование, нацеленное на выяснение того, что у нас историк назвал бы правдой.

Глава первая **Времена без летоисчисления**

1. Ценность традиционалистских сведений

Летопись удела Лу («Чунь цю») начинается с 722 до н.э. Сыма Цянь приводит даты вплоть до 841 г. (начало периода Гунхэ). Он углубляется значительно дальше, чем летопись Лу, основываясь на списках царствований с указанием их продолжительности. С помощью тех же сведений он мог бы пойти еще много дальше. Он этого не сделал, считая метод ненадежным. Другие компиляторы проявили больше смелости и большую последовательность.

Симпатии историков разделились между двумя системами летоисчисления. Та, что принята и усовершенствована историком первых царей дома Хань Бань Гу, помещает воца-

рение дома Чжоу на 1122 г. Согласно второй системе победа царя У над династией Инь относится к 1050 г., а последовавший за У царь Чэн взошел на трон в 1044 г.

	I	II
Яо	2357–2256	2145–2043
Регентство Шуня	2285–2256	
Шунь	2255–2206	2042–1990
Регентство Юя	2223–2206	
Династия Ся	2205–1767 117 царей = 439 лет	1989–1558 17 царей = 439 лет «Анналы» — 471 год)
Династия Инь	1766–1123 128 царей = 644 года	1557–1050 30 царей = 507 лет («Анналы» — 496 лет)
Возвышение Чжоу	1122	1049
Царь У	1122–1116	1049–1045
Царь Чэн	1115–1079	1044–1008
Царь Ли	878–842	853–842
Период Гунхэ	841–828	841–828
Царь Сюань	827–782	827–782
Конфуций	551–479	551–479

Если основываться на данных, приведенных Сыма Цянем о царствованиях и их продолжительности, 1044 г. – это также дата, с которой надлежит увязать возвышение царя Чэна. Следовательно, хронология Сыма Цяня соотносится со второй системой летоисчисления.

«Бамбуковые анналы» также указывают 1044 г. как время вступления на трон царя Чэна. Ни Сыма Цянь, ни Бань Гу не могли использовать этот текст. Он известен лишь с 281 н.э. Именно тогда он был найден в погребении, закрытом с 299 до н.э. История находки анналов выглядит подлинной.

Тождественность между Сыма Цянем и «Бамбуковыми анналами» вроде бы придает известную достоверность общей для них хронологической традиции. На самом же деле она всего лишь доказывает, что во II в. до н.э. еще сохраняла определенный авторитет хронологическая система, принятая в IV в. до н.э. Но эта система не менее искусственна, чем та, которую продвигал Бань Гу. Действительно, Мэнцзы (372–289), творчество которого немало способствовало закреплению многих исторических традиций и который усиленно пропагандировал в IV в. славу Конфуция, выступал энергичным сторонником поверья, что истинный Мудрец должен появляться раз в пятьсот лет; именно с интервалом в пятьсот лет, как настаивают Сыма Цянь и «Анналы», жили Конфуций и князь Чжоу, наставник царя Чэна. Оба они – великие герои страны Лу (где родился Мэнцзы), и если один оказал могущественное содействие основанию династии Чжоу, то второй удостоился возможности омолодить династическую добродетель. «Анналы» исчисляют примерно в пятьсот лет правление каждого из домов – Ся и Инь (471 год и 496 лет). Согласно древней теории срок жизни мудреца составляет сто лет; в пятьдесят он достигает полного расцвета своих талантов. Равным образом историкам, приложившим немало изобретательности для того, чтобы показать, будто Шунь стал помощником государя, а Конфуций – заместителем министра в пятьдесят лет, захотелось, чтобы в жизни мироздания число пятьсот играло ту же роль, что пятьдесят в жизни отдельных людей. Таким образом, вдохновлявшие «Анналы» хронологические традиции уже в принципе несли следы теоретической озабоченности.

К тому же с момента обнаружения «Анналов» эти традиции пережили переделки, о серьезности которых еще не известно, сумеем ли мы когда-нибудь составить представление. Достаточно тревожно уже то, что мы знаем. Когда раскрыли могилу, где свыше шестисот лет были погребены «Анналы», часть бамбуковых дощечек, на которых они были записаны, использовалась в качестве факелов. Остающиеся связки были прежде всего «рассеяны как придется». Иероглифы, которые можно было на них прочесть, «принадлежали к давно вышедшей из употребления письменности». Собранные в конце концов связки долгое время оставались «в тайных архивах». У нас есть их перечень. Он показывает прогресс, достиг-

нутый следовавшими друг за другом изданиями. Этот перечень показывает, что «Анналы» начинались вместе с династией Ся, которой приписывали большую продолжительность, чем дому Инь. Однако же расшифрованный и приведенный в порядок учеными текст, напротив, приписывает Инь большую длительность царствования, чем династии Ся, и начинается с царствования Хуанди. Первые, кто видел «Анналы», утверждали, что сын Юя Великого Ци убил помощника и избранника своего отца И, с тем чтобы захватить престол. Это утверждение противоречит канонической традиции, согласно которой И умирает приличествующим образом, а Ци – святой. В пересмотренном издании «Анналов» заверяют, что И умер естественной смертью, а Ци совершил в его честь жертвоприношения. В изначальных «Анналах» даты приводились начиная с 771 г. в соответствии с календарем Ся. Действительно, в «Анналах» с 771 г. есть упоминания о княжестве Цзинь, а затем и о царстве Вэй, одном из государств, возникших после расчленения Цзинь. Многочисленные факты свидетельствуют, что князья из Цзинь, которых официальная история изображает сородичами Чжоу, пытались найти следы своего родства с Ся. Но, и этого требует ритуальная традиция, календарь Сынов Неба был со времен Чжоу законом, который осуществлялся единообразно по всем областям, которым должно было образоваться Китайскую империю. Соответственно были подправлены и «Анналы»: в улучшенном издании даты сообщаются согласно календарю Чжоу. Во всем сочинении наблюдается обозначение лет, применявшееся в шестидесятилетнем цикле. Уже Сыма Цянь не использовал этот цикл, а похоже, он вышел из употребления еще за два века до него, так что можно доказать, что внесенные в «Анналы» «улучшения» были произведены в VII столетии н. э. В одной из самых сомнительных глав «Книги преданий» («Шу цзин») упоминается солнечное затмение, а правдоподобно, что она редактировалась много позже даты захоронения «Анналов». Так вот, в «Анналах» также обнаруживается солнечное затмение, к тому же оно очень точно датировано (осенью 2055 г.). А согласно данным европейских ученых, солнечное затмение действительно произошло 12 октября 2055 г. Правда, содержащийся в «Книге преданий», как и в «Анналах», рассказ – мифологического характера. Поэтому точная дата в «Анналах» может являться лишь плодом переделок. А так переделать текст были способны только ученые, умевшие рассчитывать сроки затмений. Их вмешательство вряд ли произошло много раньше династии Тан (VII в. н. э.).

Как видим, текст «Анналов» стал правилен только благодаря работам, которые с полнейшей искренностью велись на протяжении многих столетий. Эти труды вдохновлялись мыслью, что каноническая традиция не может ошибаться. Напротив, во время переписывания ошибки вполне могли проникнуть в «Анналы». Исправить же случайные ошибки в свете новейших достижений науки – это и значило восстановить текст в его изначальной чистоте.

Вызывает восхищение религиозная почтительность, с которой китайцы сберегали уцелевшие труды... Мало надежды, что содействие астрономов поможет разобраться в китайской хронологии.

Нужно смириться, как уже сделал Сыма Цянь, с тем, что окажутся без дат века до 841 до н.э.

Можно ли, во всяком случае, доверять перечням царствований? Представляется, что положиться на них трудно. Если сложить правления государей Ся и Инь, то от Юя Великого до царя У из дома Чжоу получится 45 царствований; если учесть княжеских предшественников царя У, достаточно 17 поколений, чтобы охватить этот промежуток времени. В списке предков дома Цинь 17 царствованиям Ся соответствуют шесть поколений, а десять поколений достаточно для 45 царствований Инь и Ся. Один из предков рода Цинь упоминается то как современник последнего царя из дома Ся, то как фаворит последнего государя из дома Инь. Более того, царствование последнего из Ся выглядит скопированным с последнего из Инь. По правде говоря, оба выглядят сконструированными с помощью блуждающих мифологических тем, и летописи дома Инь столь же лишены конкретных фактов, как и хроники

Ся. У истории предков Чжоу позаимствованы несколько сведений, обогащающих летописи дома Инь. В сущности, только с первыми государями Чжоу рассказы становятся содержательнее. Может быть, династия Чжоу – единственная из трех царских династий, обладающая какой-то исторической реальностью? На самом деле и история первых Чжоу не содержит каких-либо гарантий ее достоверности. При изучении обнаруживается, что она создана не в результате использования архивных документов, а соткана из обрывков поэтических традиций. И царь Вэнь со своими предками, и их потомок царь Му – это герои, которых воспевали поэты. Если рассказ о крупной победе царя Вэня над домом Инь и выглядит как обладающий известной точностью, то лишь потому, что в нем воспроизведен рисунок победных танцев, которые из года в год исполнялись при дворе царей Чжоу в память об изначальной славе их дома. [Да и похоже, что рисунок этих танцев донесен не традицией, существовавшей при этом дворе, но той, которой следовали, *по словам ученых провинции Шаньдун*, князя удела Лу (Шань-дун).] История основателей династии проистекает из драмы, эпопеи или романа. Что касается их первых преемников, то их история получила свое содержание из речей, которые служили школьными упражнениями. Утверждают, что эти речи были на самом деле произнесены. Сообщают их даты и имена ораторов. Это прежде всего призвано подтвердить, что их можно смело использовать как образец. По правде говоря, они не содержат ничего, кроме крупных тем восходящей к незапамятным временам риторики. Их читатель никогда не ощущает себя в присутствии исторических событий, но лишь искусственно восстановленной истории. Это было сделано при помощи литературных сочинений, в большинстве случаев относящихся к очень давним временам и несущих на себе следы политических или догматических интересов.

Вся история Древнего Китая основывается на одновременно невинной и умудренной системе фальшивок. В настоящее время мы не располагаем никаким способом их отсева, и может показаться, что и филологическая критика, ограниченная своими собственными возможностями, в состоянии привести только к отрицательному результату. Значит ли это, что китайская традиция действительно лишена прочных оснований? Я совершенно в это не верю.

Действительно, писать, что «цивилизация не очень давно установилась на Дальнем Востоке», неточно. Даже когда выступаешь главным образом против тех, кто «злоупотребляет древностью Китая». Точнее было бы сказать: «Сами китайцы непосредственно заинтересовались историческими фактами довольно поздно». Надо еще добавить, что историческое сознание и то, что мы называем вкусом истины, никогда не укоренились среди них достаточно прочно, чтобы возобладать над традиционалистским духом. Уже это, однако, предполагает, что их традиции заслуживают *определенной меры* доверия.

Они дошли до нас в систематизированной форме. Сегодня невозможно поверить, что китайские историки «совершенно не изменяли оригинала текстов»; и в разработанной ими системе надо признать большую долю теории. Но даже если подробности и были подправлены, целью оставалась защита традиции. Она служила принципом политической и религиозной жизни. Она была символом веры. Уместно допустить, что она почиталась во всей своей целостности. В общем можно даже считать, что в силу придаваемого ей значения известна она была достаточно точно.

Возводя свою историю к третьему тысячелетию до н.э., китайцы, вполне возможно, приписывают ей лишь весьма умеренную древность. Их язык, как далеко в прошлое ни заглядывай, может выглядеть уже применявшимся. Возможно, что за его плечами долгая история. Сейчас уже известно, что в Китае существовала неолитическая цивилизация. Может быть, преемственность соединяла ту цивилизацию с собственно китайской цивилизацией. Как мы увидим, в рассказах, относящихся к Трем династиям, содержатся признаки нравов, которые историки времен династии Хань или Конфуция не могли понять и истолко-

вать, но сходные и даже более архаичные черты обнаруживаются в истории Пяти государей. Китайские традиции сохраняют в памяти социальные трансформации, которые не могли совершиться за несколько лет. Конечно, можно доказать, что повествования, относящиеся к Юю Великому, составлены целиком из мифологического материала. Но это нисколько не доказывает, что Юй Великий не был историческим персонажем. Совершенно нет подробностей, относящихся к Трем династиям, которые могли бы быть приняты как исторический факт. Вместе с тем нет и малейшей причины отрицать историческое существование этих династий.

Недавнее открытие вроде бы доказало историческую реальность династии Инь. В 1899 г. в небольшой деревушке в Хэнани было извлечено из земли довольно большое количество обломков костей вместе с панцирями черепах. На костях сохранились следы архаичной письменности, которая вызвала живейший интерес у китайских эпиграфистов. В 1902 г., спустя три года после открытия, появилась первая публикация об этих документах, подписанная двумя знатоками (*из которых один в 1915 г. станет владельцем первого собрания раскопанных костей*). Сегодня на рынке довольно много так называемых хэнаньских костей, причем утверждают, что среди них изрядное число подделок. Но, похоже, эти подделки можно выявить. Может быть, был излишним скептицизм, побудивший отказаться в доверии работам, которые посвятил костям такой знаток, как г-н Лю Чжэньюй, у которого, конечно, были серьезные основания объявить их подлинными. Он смог на них разобрать, *среди других имен*, имена большинства государей дома Инь, во всяком случае почти что в том виде, как они фигурируют у Сыма Цяня и в «Бамбуковых анналах». В Хэнани кости были найдены на месте, где с третьего по пятнадцатый год своего царствования мог бы проживать царь Уи из дома Инь. Китайские знатоки считают, что эти кости были погребены после гадательных обрядов, в ходе которых царь вопрошал своих предков. У этого предположения есть еще одна положительная сторона: оно позволяет установить, где находилась временная столица Уи, местонахождение которой раньше оставалось неизвестным. По правде говоря, потомки царей Инь, князя Сун, также царствовали в Хэнани, но, если верить традициям, дальше к югу. Вот почему можно бы было подумать о том, чтобы им или князьям удела Вэй приписать совершение гадательных обрядов, которым мы обязаны находкой, если, конечно, речь идет именно о гадательных обрядах. Выгравированные на костях иероглифы, действительно, *кажутся* слишком архаичными, чтобы их не датировать периодом, который более или менее был бы современен первым государям Чжоу (*разве что в ряде случаев, например в гадательных обрядах, испокон веков прибегали к письменности особого типа, выглядевшей архаичной или архаизированной*). В конечном счете нам предлагается допустить, что список царей дома Инь, примерно в том виде как приводится у Сыма Цяня и в «Бамбуковых анналах», соответствует традиции, восходящей к временам на многие столетия раньше, чем были написаны «Анналы» и «Исторические записки». Поэтому, хотя открытие хэнаньских костей отнюдь не доказывает историческую реальность дома Инь, *похоже*, оно подтверждает, что историческим традициям, относящимся к перечням царствований, придавалась немалая значимость в довольно-таки глубокой древности.

Было бы не очень осторожно отбрасывать целиком китайские исторические традиции. Но, действуя самостоятельно, филологическая критика просто не в состоянии извлечь из них позитивное историческое содержание. Ей следует подождать другие дисциплины. Лучшее, что тем временем она могла бы сделать, – это не высказывать предположений, забегая вперед тех наук, от которых зависит реальный прогресс наших знаний.

2. Вклад так называемых вспомогательных наук

Со своей стороны и эти дисциплины еще не в состоянии обогатить историю направляющими гипотезами.

Антропология по сей день собрала о Китае лишь неточные и разрозненные сведения.

Открытия г-на Андерссона позволяют думать, что неолитические обитатели провинции Хэнань принадлежали к той же расе, что и сегодня населяющие край китайцы. Но доисторическая антропология еще совершает свои первые шаги. К точному обследованию ныне существующих типов населения едва только приступили. Предполагая многократные смешения, специалисты допускают возможность их разнообразия. «Китайский народ возник из многочисленных смешений, и наверняка еще предстоит обнаружить в китайской нации множество типов, антропологическое исследование которых едва намечено». Основываясь на крайне ограниченном числе измерений и на общих впечатлениях, обычно стремятся различать две основные расы – южную и северную. Китайцы с юга более низкого роста и более выраженные брахикефалы.

Скудость соматологических сведений, однако, никоим образом не мешает изложению общей теории заселения Китая. Обычно допускается, что Китай Юга и Запада укрыл в своих горах потомков первопоселенцев этих земель, которых постепенно оттесняли древние китайцы. Существует тенденция изображать тех захватчиками.

Эта теория проистекает из общей концепции истории Азии. В значительной части она исходит из положений, поддерживаемых Террьером де Лакупри, о западном происхождении китайской цивилизации. Нет фактов антропологического характера, которые подтверждали бы подобные взгляды, основывающиеся всего лишь на установлении китайско-эламских звуковых совпадений. Вот пример: Хуанди – не кто иной, как Нахунт, ибо иногда Хуанди определяют как «владыку Сюна» (Ю-сюн), и его имя якобы можно различить под оболочкой Най-хуан-ди (= Nakhunte). Ибо иероглиф, обычно читаемый как «сюн», в некоторых случаях произносится как «най». При этом забывают уточнить, что, во-первых, совершенно искусственное наименование Сюн-Хуанди ни в одном тексте не встречается, что, во-вторых, иероглиф, который угодно прочитывать как «най», всегда произносится самими китайцами как «сюн», если идет речь о Хуанди. Наконец, в-третьих, «сюн, най, хуан» являются формами современного произношения, которое достаточно далеко отошло от наиболее древних известных форм произношения. Ни один из современных китаистов не признает китайско-эламских сближений Террье де Лакупри. К тому же эти лингвистические параллели в любом случае не пролили бы нового света на характер расы завоевателей Китая.

Однако же теория о западном происхождении китайцев по-прежнему господствует в образовании. В лучшем случае ограничиваются тем, что заставляют китайцев появиться из Туркестана. В качестве причины их завоевательного похода (гипотетического) выдвигается соображение (относительно гипотетическое) о прогрессирующем иссыхании Центральной Азии. Единственным моментом, позволяющим кое-как увязать все эти домыслы с китайской исторической традицией, может послужить следующий факт: в одном примечании к «Историческим запискам» Сыма Цяня утверждается, что основатели династий Ся, Инь, Чжоу и Цинь пришли с Запада. Историки охотно делают из этого примечания вывод, что «Древний Китай многократно завоевывался варварами с Запада и Юго-Запада и что эти завоевания были поводом смены династий». Достаточно будет отметить, что упоминаемое место из «Исторических записок» служит изложением принципа мифологической астрологии: «Восточная сторона, а Восход равнозначен Весне, – это та, где существа начинаются и рождаются; сторона Запада – та, где существа подходят к концу и к зрелости (Закат равнозначен Осени)».

Подобно антропологии и этнографии, доисторическая археология в Китае тоже делает лишь свои первые шаги, и ей пойдет только на пользу, если она проявит недоверие к преисполненным фантазии предположениям.

В 1923 и 1924 гг. г-н Дж. Г. Андерссон опубликовал результаты двух замечательных сезонов археологических раскопок в Южной Маньчжурии, а также в Хэнани и Ганьсу. Его находки подтверждают существование в Китае неолитической цивилизации. Почти тогда же проведенные отцами Лисаном и Тейяром де Шарденом раскопки в верховьях Желтой реки обнаружили в непосредственной близости к классическому Китаю палеолитические стоянки.

Согласно издревле существовавшим в Китае взглядам каменные орудия приписывались людям во времена, предшествовавшие Хуанди (предположительно XXVII в. до н.э.). С Хуанди якобы началась эпоха нефрита, а с Юя Великого (предположительно 2205–2198) – эпоха бронзы. Появление железа, вероятно, следовало бы датировать эпохой Чжоу (XI–VIII вв.). До последних открытий эта китайская теория могла сойти за чисто умозрительную. Еще в 1912 г. г-н Лоуфер писал, что ничто не доказывает существования каменного века в Китае.

Г-н Андерссон дал требуемое доказательство. Похоже даже, что он выявил преемственность между орудиями труда раскопанной неолитической цивилизации и цивилизацией нынешней. К примеру, железные серпы, используемые в Северном Китае при уборке урожая сорго, сохраняют в точности ту же форму, что и древние прямоугольные или кривые ножи с одним либо двумя просверленными отверстиями, найденные на неолитической стоянке в окрестностях Мукдена. Г-н Андерссон отмечает сходство между этими каменными ножами и железными ножами, применяемыми чукчами Северо-Восточной Азии и эскимосами Северной Америки. Вместе с тем он предпочитает подчеркивать отличия, наблюдаемые им между орудиями на стоянках в Маньчжурии и в Ганьсу. Он повсюду обнаружил разные типы топоров, некоторые из них напоминают бронзовые топоры Чжоу, каменные кольца, которые ему показались сопоставимыми с нефритовыми кольцами Чжоу, разновидности треножников из глины, вроде тех треножников «ли», что при Чжоу изготовлялись из глины или бронзы, либо типа «дин», которые и сегодня делаются из глины в окрестностях Пекина, наконец, помимо огромного количества различных гончарных изделий из грубой серой керамики – тонкие горшечные изделия, красный цвет которых, по всей видимости, вызван окислением при обжиге. Предметы красной керамики прекрасно отполированы и украшены черными или – заметно реже – белыми рисунками.

Г-н Андерссон сближает эту керамику с характерной для Западной Азии (Anau). Однако, если треножники «ли» и «дин» встречаются в большом количестве на стоянках Хэнани и неплохо представлены в Маньчжурии, их лишь очень редко находят в Ганьсу. Напротив, изысканная расписная керамика из Ганьсу только там и встречается в изобилии. Только там были обнаружены, наряду с несколькими бронзовыми предметами, и замечательные гончарные изделия со стилизованными изображениями птиц, совершенно аналогичными, как утверждают, некоторым гончарным изделиям из Суз. Из этих наблюдений г-н Андерссон делает вывод, что происхождение китайской цивилизации следует искать во Внутренней Азии и, вероятно, в Туркестане: волны переселенцев якобы донесли эту цивилизацию до собственно Китая, но сначала достигнув Ганьсу.

Но, как тонко замечает г-н Карлгрен, поскольку самые архаические орудия труда были найдены, по словам исследователя, в Маньчжурии и Хэнани, следовало бы предположить, что последние волны не докатились столь же далеко, как первые. Поэтому г-н Карлгрен предлагает иное объяснение: стоянки в Хэнани и Маньчжурии, видимо, служат свидетельствами местной и протокитайской неолитической цивилизации. На западе же она, похоже,

испытала влияние орудий труда населения, не принадлежавшего к китайской расе, а, по всей видимости, тюркского происхождения.

Представляется разумным, что до тех пор, пока не будут точно обследованы человеческие останки, позволяющие определить соматологические характеристики известных сегодня популяций с помощью каких-либо деталей их материальной культуры, надлежит воздержаться от любых гипотез, не накладывать проблему истории средств производства на проблему истории этнической, и прежде всего не поднимать преждевременно в связи с вопросами миграций и завоеваний собственно исторической проблематики.

Первым делом следовало бы датировать эту цивилизацию каменного века. Г-н Андерсон допускает, что бронза появилась в Китае в третьем тысячелетии до н.э. Это мнение правдоподобно и в общем согласуется с китайскими традициями, относящими бронзовый век к царствованию Юя Великого (предположительно 2205–2198) или же изображающими Юя и Хуанди (предположительно XXVII в.) выдающимися литейщиками. Относятся ли неолитические стоянки ко времени до третьего тысячелетия до н.э.? И здесь можно бы поставить проблему, несколько забегая вперед. На самом деле позволительно утверждать, что извлеченные на раскопках в Хэнани предметы, хотя там не нашли и следов меди или бронзы, не обязательно относятся ко временам до третьего тысячелетия. Некоторые археологи настаивают на том обстоятельстве, что во времена династии Чжоу, в течение периода, охваченного в «Чунь цю», племена варваров жили в непосредственной близости от китайских поселений. Не следует ли поэтому задуматься, не принадлежит ли этим варварам найденная в ходе раскопок керамика? Г-н Андерссон объявляет неправдоподобным предположение, что варвары воспроизводили в глине или камне орудия, которые проживающие рядом с ними китайцы изготавливали из бронзы. Вряд ли ситуация совершенно беспримерна. Но здесь выдвигают, казалось бы, решающий довод. Глиняные треножники «ли» и «дин» более вытянуты, чем сопоставимые по форме бронзовые треножники, датируемые китайскими археологами эпохой Чжоу. Однако же этимологам кажется, что иероглифы, находимые на этих двух типах треножников, скорее напоминают более тонкие формы, чем присущие бронзе времен Чжоу: они позаимствованы с костей из Хэнани, а нет сомнения, что эти кости не датируются временами династии Инь. Следовательно, представляемая треножниками «ли» и «дин» культура, вероятно, восходит, по меньшей мере, к эпохе Инь.

Участие в этом споре не имеет особого смысла. Решение способны принести только раскопки, которые, будучи проведены тщательно и во многих местах, сделали бы возможной методическую классификацию доисторических поселений и орудий труда. Важно запомнить, что открытые в Хэнани, Ганьсу и Маньчжурии стоянки распространены более широко. Есть основание думать, что неолитической цивилизации, свидетельствами которой они служат, соответствовали по всему Северному Китаю очень крупные людские поселения. Есть также вероятность, что их существование было длительным. В настоящее время недостает отправных точек для сравнения. И несомненно, что будет непросто найти надежные. Известно, что Азия не переживала чередований ледовых продвижений и откатов, помогающих в Европе устанавливать возраст неолитических поселений. Остается лишь строить предположения.

Заметим, что важно не смешивать проблемы, относящиеся к доисторической археологии, с проблемами, относящимися к эпиграфике. Отметим еще и следующее: во-первых, если хэнаньские кости и датируются династией Инь, то самое большее ее концом; во-вторых, есть немалая доля субъективизма в сравнении иероглифа с тем предметом, который он обозначает; в-третьих, хронологическая классификация иероглифов не дает больших гарантий, чем классификация предметов там, где они были найдены: эти классификации основываются на впечатлениях коллекционеров. К тому же, если теория, что иероглифы первоначально были точными идеограммами предметов, которые ими символизировались,

и считается общепризнанной, никто никогда не подумал представить доказательства в ее пользу.

В области этимологии графических знаков всегда царила буйная фантазия. Догадки, выдвигаемые собственно китайскими специалистами, а они на порядок более серьезны, проистекают из их верований или их археологических теорий.

Следовало бы подождать, пока будет создана позитивная история китайской письменности, прежде чем пускаться в идентификацию и датирование доисторических предметов с помощью знаков этой письменности. Но искушение открыть целую неизвестную цивилизацию, не выходя из кабинета, с помощью легкой игры в анализ ее графических символов слишком велико. Некогда отец Вигер поддался этому соблазну. В 1903 г. он с помощью «древних иероглифов» умудрился определить нравственную и материальную жизнь «первых реальных времен» Китая. В результате мы узнали, что «закон был суров, кары жесточайши», «счет с его возникновения был десятичным» и что идеалом тогдашних китайцев являлись «искренность, относительная мягкость, взаимопомощь, уважение к старикам». Наконец, признав, что многие из животных и растений относились к тропической фауне и флоре, отец Вигер высказал мысль, что китайцы отнюдь не пришли с Запада, как считалось, перевалив через Памир: «Выйдя из современной Бирмы, они проникли в Китай с юго-запада, следуя по пути, современными вехами которого служат Бьямо, Момейн... Дали фу, Юньнань (Юньнань фу)... и озеро Дунтин-ху»; они оттеснили к северу народность и, «вооруженных стрелами с кремневыми наконечниками лучников». Но уже в 1907 г. отец Вигер истолковывал китайскую политическую и религиозную историю как извечный конфликт между китайцами и туземцами Юга. Он смело отбросил свою прежнюю теорию, более не признавая ничего тропического в запечатленных иероглифами фауне и флоре. Мало исследований пролили бы такой же яркий свет на историю «первых времен» китайской цивилизации, как изучение современной фауны и флоры, а также домашних животных и сельскохозяйственных культур. С этой точки зрения немалый интерес представляет открытие г-на Андерссона: неолитические обитатели Хэнани, Маньчжурии и Ганьсу одомашнили свинью. Свиноводство осталось характерной особенностью китайской цивилизации. Пожелаем, чтобы подобные открытия множились; подождем, пока палеоботаника и палеозоология извлекут из этих открытий систематические выводы; в этом отношении не будем полагаться исключительно на одних палеографов.

Уже сегодня работы о китайском языке вдохновляются более положительным духом, чем исследования письменности. Родившаяся двадцать лет назад китайская лингвистика уже добилась значительного продвижения вперед. Китайский язык больше не выглядит изолированным и загадочным наречием. Он включается в довольно точно определяемую семью, частью которой вроде бы являются и тибетский, и бирманский, а отчасти и тайский языки. Есть стремление допустить существование двух ветвей в этой семье, причем тайский и китайский языки образуют в ней первую группу, а бирманский и тибетский вроде бы составляют вторую. Не исключено, что на это подразделение языковой семьи на две группы – западную и восточную – повлиял географический предрассудок. В любом случае подобная классификация может быть предложена только в качестве временной. И определенно было бы ошибкой основываться лишь на ней при попытке объяснить некоторые древние китайские верования с помощью заимствований, сделанных исключительно у тайцев. Еще большей неосторожностью была бы попытка положиться на эту классификацию при описаниях миграций тайцев, которых китайцы заставили отступить на юг. Если не упорствовать в желании спутать язык, цивилизацию ирасу, уместно допустить вместе с г-ном Пеллио, что лингвистические сведения, даже если считать их надежными, относящиеся к языкам тайскому, бирманскому, тибетскому и китайскому, «не сообщают нам почти ничего относительно исторического прошлого этих различных народов». И здесь было бы правильнее предоставить

возможность исследования продолжаться с применением присущих им методов. Их прогрессу только помешала бы любая гипотеза исторического характера, и мы еще далеки от того времени, когда история сможет извлечь какую-либо выгоду из заимствования их гипотез.

* * *

Вопрос о происхождении китайцев остается совершенно открытым. На исследование текстов трудно возлагать большие надежды, но многого можно ожидать от археологии, и прежде всего от археологии доисторической. Следует пожелать, чтобы отныне раскопки воодушевлялись исключительно научными соображениями, а предрассудки, все еще господствующие в истолкованиях находок, были отброшены. Но один факт уже представляется определенным: цивилизация на Дальнем Востоке – явление давнее. В высшей степени правдоподобным выглядит и второй факт: мало шансов, что эта цивилизация полностью автономна. Уже давно устарело представление о Китае, который в исторические эпохи жил будто бы отрезанным от остального мира. Но хотя часто и говорят о миграциях первых китайцев, еще существует тенденция верить в относительную изолированность Китая древности. Если полагаться на традиционалистскую историю, его изоляция якобы закончилась только в период около Рождества Христова. С той эпохи, когда открылись торговые пути, будто бы и началось время подлинных контактов, активных влияний, частых завоеваний. А до той поры китайская история якобы творилась одними китайцами. Нет никаких причин считать, что китайская раса, если, конечно, вообще можно говорить о китайской расе, не имеет своего места в весьма отдаленной древности. И напротив, нет никаких оснований верить, что Китай подвергся меньшему количеству завоеваний и испытал меньше влияний в древности, чем в современности. Самый серьезный упрек, который можно сделать относящимся к этим контактам гипотезам, состоит в том, что по сей день их всегда искали в одних и тех же направлениях и осмыслили по одному образу и подобию. Возможно, что волны переселенцев, пришедших с Севера, Запада и Юга, сыграли важную роль в истории Древнего Китая. Но могли проявляться вообще самые различные влияния. В предыстории ни степи, ни горы, ни даже море не создавали непреодолимых препятствий.

Глава вторая

Феодальный период

Традиционалистская история изображает феодальный период столь же древним, как вся китайская цивилизация. Еще до династии Чжоу феодальный уклад будто бы был известен династиям Ся и Инь. В любом случае к тому времени, когда начинается летоисчисление, система княжеств уже прочно сложилась. Впрочем, о китайской истории до периода, описанного в «Чунь цю», почти ничего не известно. Не желая торопиться с оценками более ранних времен, я называю феодальным периодом эпоху, которая нам известна по датированным описаниям. Они обычно имеют летописный характер и выглядят как извлечения из удельных архивов. Излагаемые в этих рассказах события в общем кажутся заслуживающими доверия.

1. Китай времен феодализма

В VIII в. до н.э. Китай выглядит неустойчивым объединением княжеств. Под номинальным сюзеренитетом царя, Сына Неба, сгруппировалось довольно большое количество мелких владык. Какова протяженность этой конфедерации? И прежде всего, каковы идеальные ее пределы?

1. Границы. Две работы могут оказаться полезны при уточнении географической панорамы феодального Китая. Обе они, по правде говоря, приписываются Юю Великому, основателю царства, ибо традиция видит в нем великого землемера и картографа. На самом деле «Юй гун» («Дань Юю») – это пестрое сочинение, описательная часть которого, в прозе, относится, по мнению Шаванна, самое раннее к IX в. И напрасно Конради упорно настаивал на его датировке XX в. до н.э. По-видимому, и включенные в этот текст стихи также скольконибудь значительно не более древние. «Книга гор и морей» («Шань хай цзин») – это искусственно составленный сборник. Можно датировать IV или V вв. его первую часть, «Книгу морей», объединяющую пять первых глав в ее классических изданиях. В ее основе лежит чисто компиляторское сочинение. Эти пять очерков являются сборником заметок, которые некогда сопровождалась картами. В них описываются сгруппированные по странам света двадцать шесть горных кряжей. Хотя весь феодальный период (VIII–III вв.) может быть охвачен датами появления «Юй гун» и «Шань хай цзин», собранный в этих двух книгах материал примерно одинаков, разве что в «Книге гор и морей» он чуть обширнее.

Кругозор их создателей очень узок. Он ограничивается областями вокруг Хэнани: юг Чжили, запад Шаньдуна, континентальные районы Цзянсу (с беглым обзором Чжэцзяна), северные части областей Аньхуэй и Хэбэй, юг Шаньси и, наконец, Шэньси и Ганьсу. Хорошо описано течение Желтой реки после того, как она прорывается через горы в Ганьсу. Довольно неплохо обрисовано и нижнее течение Синей реки, но если «Дань Юю» освещена о существовании дальше к югу озера Дунтинху и, вероятно, об озере Поянху, то в «Книге гор и морей» содержится некоторое представление о горах Чжэцзяна. Оба сочинения указывают на существование гор на севере Чжи-ли, но плохо представляют, в каком направлении они идут. В обоих трудах неясно упоминаются пустыни Северо-Запада (Движущиеся пески); лишь только в «Книге гор и морей» сносно описана область Тайюань в Шаньси, упоминаемая, впрочем, в стихах «Дани Юю». Наконец, последняя практически ничего не знает о Сычуани, в то время как в «Книге гор и морей» содержатся добротные сведения об области Чэнду.

Знаменательны два умолчания. На востоке выглядят находящимися за чертой географических представлений морские берега, хотя помещаемые в Восточном море Острова Блаженных и будоражат мифологическую мысль по меньшей мере начиная с IV в. до н.э. К западу познание останавливается на бассейне реки Вэй. Далее расположен загадочный мир. «Дань Юю» размещает там Черную реку, впадающую в Южное море. Черная река обнаруживается и во многих разделах «Книги гор и морей». Относящаяся к Горам Запада глава содержит описание мифической, заселенной богами страны Кунь-лунь. Именно туда предпринял свое экстагическое – или легендарное – путешествие царь Му из дома Чжоу. Рихтхофен, терпеливо и, может быть, с излишней снисходительностью определивший все географические названия в «Дани Юю», видит в упоминании Черной реки, а также Реки Жо, вытекающей, как пишется в «Книге гор и морей», из Древа Заката, свидетельство того, что китайцы сохранили точное воспоминание о всех областях, пройденных их предками на пути к востоку. Напротив, Шаванн настаивает на поразительном незнании китайцами тех мест, которые зачастую изображаются колыбелью их расы. На самом деле пустыня и море находятся за пределами географической панорамы древних китайцев: это область мифологических повествований.

Внутри довольно-таки уплотненных идеальных границ Китайская конфедерация простиралась на территории, не выходящей за пределы области Хэнани и сопредельных краев Шэньси, Шаньси и Шань-дуна. К югу границей этой территории служит горный массив Цинь-лин и его отроги, тянущиеся к востоку, – Фуню и Мулин. К северу она охватывает соседствующие с берегом среднего течения Желтой реки террасы. На востоке конфедерация

останавливается на границах аллювиальной (наносной) зоны, которая обозначена нынешней нижней долиной Желтой реки и продолжающей ее к югу линией.

Разместившись в зоне соприкосновения протянувшихся по террасным нагорьям Шаньси, Шэньси и Ганьсу лёссовых земель (желтозема) и огромного наносного бассейна Желтой реки, территория Древнего Китая в общем включает на западе первые покрытые илом террасы, а к востоку – полосу аллювиальных земель, над которыми возвышаются невысокие холмы.

2. Страна. Сегодня непросто вообразить, как в древности выглядела китайская земля. Ныне лишенные деревьев и целиком занятые под сельское хозяйство края были заняты огромными болотами и бескрайними лесами.

Сухие и здоровые равнины вытеснили плавунцы, которые на восток простирались почти без перемен от Желтой реки к Синей реке. В феодальную эпоху Хуанхэ впадала в Печилийский залив, но устье находилось на месте нынешнего Тяньцзиня, ибо, начиная с области Хуайцзин, река текла дальше к северу, чем сейчас. До нынешнего города Баодина она тянулась вдоль последних высот горного массива Чжили, потом, далее к северу, вбирала целую сеть рек, образующих Бэйхэ. Впрочем, ее течение никогда не было устойчивым. В 602 до н.э. оно сместилось на восток, оставив в своем бывшем русле реку Чжан. Вся долина представляла постоянно перемещавшуюся дельту, изрезанную многочисленными реками: китайцы называют их Девятиречьем, что, впрочем, отнюдь не означает, что рек было девять. До реки Ци, протекавшей в нынешнем русле Желтой реки, простирались охваченные сетью водных потоков заболоченные земли: поля у моря были «покрыты солью». Столь велика была неустойчивость гидрографического режима, что китайцы с полным основанием могли утверждать, что река Ци впадала в Хуанхэ, а потом из нее вытекала. Тогда она образовывала пруд «с переливающейся через берега водой». Это был пруд Юн в области Кайфэн в Хэнани.

LA CHINE FEOOALE
ФЕОДАЛЬНЫЙ КИТАЙ

Выйдя из пруда Юн, она далее к востоку впадала в пруд Ко, который соединялся с большим болотом удела Сун. Оно называлось Мэнчжу и находилось у границы Шаньдуна и Хэнани. На северо-востоке находилось загадочное болото Лэйся, в котором жил дракон Грома. К юго-востоку, на всем протяжении нынешнего большого канала, пруды шли один за другим вплоть до области, где Желтая река протекала в течение всего средневековья и до

1854 г. Среди этих прудов наиболее известный – Дае. Там простиралась равнина, пересекаемая реками Хуэй и Ли: это было сплошное огромное болото, тянувшееся вплоть до Янцзы. Поэтому горный массив Шаньдун, над которым возвышается гора Тайшань, был изолирован почти как остров.

Будучи менее значительными в краю лёссовых почв, болота, однако, и там в силу недостаточности осушения занимали глубинные части долин. Постоянные обвалы террас со склонов затрудняли сток воды. Так, в Шэньси окруженные покрытыми селитрой полями «стоячие воды» протянулись по долинам рек Вэй и Цзин. Таким же образом низовья Шаньси были покрыты болотами от нижнего течения реки Фэнь и до Желтой реки, а далее на север, у слияния рек Фэнь и ныне осушенной Тао, имелось еще крупное болото Тайтай. Разделенные этими непроходимыми просторами, изолированные каньонами с обрывистыми склонами, лёссовые плато были нарезаны на участки, очень плохо связанные между собой узкими перешейками и трудными проходами.

В этой разделенной стране растительность обладала силой, которая поражает, когда думаешь о нынешнем Китае. Однако же древние свидетельства категоричны. Таков, например, рассказ об обустройстве в долине реки Вэй в Шэньси прародителя Чжоу. Тайван (приблизительно 1325) избрал место для поселения там, где «вздвигались величественные дубы», где «раскинулись сосны и кипарисы»; он приказал «выкорчевать засохшие деревья, подрезать и выправить заросли кустарника, проредить тамариски и катальпы, обрубить ветви у горных шелковиц и красящих тутовников». О некоторых лесах, как, например, о Таолинь, Персиковом лесе к югу от слияния Вэй и Хуанхэ, говорили, что он занимает бескрайние пространства. В этих лесах водились дикие и хищные звери – кабаны, туры и дикие коты, медведи серые, желтые и полосатые, тигры, рыжие пантеры, белые леопарды.

Для того чтобы там поселиться, людям прежде всего требовалось огнем выжечь леса и кустарники, осуществить работы по осушению земель и устроить паромное сообщение. Судя по отрывку из Мэнц-зы, еще в IV в. считалось, что все работы по обустройству территории были проведены основателем царства Юем Великим. До него «вышедшие из берегов воды текли беспорядочно... травы и деревья были пышны, птиц и четвероногих было множество; пять злаков не произрастали... И (Великий лесничий, работавший под началом Юя) поджег Горы и Болота и превратил (растительность) в золу», в то время как Юй упорядочил течение водных потоков. Только тогда можно было освоить китайскую землю и превратить ее в край злаков.

Когда Китай был близок к объединению, родилась мысль, что создан он был трудами Человека Единственного. Однако же Юй присвоил славу многих демиургов, каждый из которых действовал в небольшом районе. Девятиречье в Чжили было приведено в порядок Ньюва. В Шаньси Тайтай оздоровил долину реки Фэнь. Если Юй Великий и проделал проход в Хуаньюань в Хэнани, то ущелье между горами Тайдин и Ванчу пробил два гиганта. На самом деле документы дают возможность понять, что большое число великих мифических работ относится самое раннее к феодальной эпохе и было осуществлено местными властелинами. Именно они в расчлененной стране, где можно было жить только по краям плато и на холмах, открыли сухопутные и водные пути сообщения. Ими была создана территория, наконец-то пригодная для образования единой цивилизации и готовая к политическому объединению. Нынешнее единообразие Китая в зоне лёссовых и осадочных земель – это результат огромного общественного усилия. Если, по китайскому выражению, реки в конце концов сдались морю со спокойствием и величественностью вассалов, приносящих дань, то потому, что уделы пришли к сближению и объединению лишь после того, как приручили природу.

2. Китайцы и варвары

1. Китайская конфедерация. Среди бешеных водных потоков, мечущихся, размывавших собственное русло и разливавшихся по долинам, на возникающих среди болот верховьях, на плато, обрывистые склоны которых поднимались над залитыми водой равнинами, в древности вырастал архипелаг мелких феодальных государств. Во времена, когда Юй Великий (приблизительно 2198) призвал вассалов явиться к нему и воздать почести, их существовало множество, как говорят, десять тысяч. Но к 489 до н.э. их насчитывалось не более нескольких десятков. В период между VIII и III вв. мелкие княжества сливались, образуя могущественные государства. Несомненно, это движение к политической сплоченности началось уже многие столетия назад.

В начале эпохи, описанной «Чунь цю», китайское единство уже ощутимо под этой федеральной оболочкой. Выражение, которое позже будет значить просто Китай, в те времена еще имело смысл «Китайской конфедерации» («Чжун го»). Эта конфедерация вбирала княжества разной степени значимости, тяготевшие друг к другу меньше из-за политических отношений, но скорее из-за ощущения цивилизационной общности. Казалось, что родственный характер их взаимоотношений основывается или на генеалогических узах, предполагающих общность фамильного имени, или на традиционной политике установления брачных союзов. Хотя обычно подобные отношения изображаются как существовавшие с незапамятных времен, чувствуется оттенок различия между выражениями «Чжун го» и «Шан го». Последним обозначают уделы («го»), которые объединились уже в древности («шан») и в силу этого обладали своего рода превосходством. Дом У (Цзянсу) считался происходящим от тех же самых предков, что и царский дом Чжоу; однако же удел У – приграничный, и один из его послов называл посещаемые им срединные княжества («Чжун го») верховными княжествами («Шан го»). Он звал «ся», именем первой династии, музыку, которую там исполняли, но это слово означает еще и «цивилизованный». Прежде чем выражение «Чжу ся» (люди ся) стало обозначать всех китайцев вообще, оно имело точно тот же смысл, что и «Шан го». Слово «Хуа» значит то же, что и «Ся», то есть «цветок», и выражение «Чжун хуа», или «Срединный цветок», в конце концов станет применяться по отношению к Китаю в целом. Говоря от имени удела Лу, князя которого гордились своим происхождением от брата основателя династии Чжоу Чжоу-гуна, Конфуций в 500 г. с помощью слов «Ся» и «Хуа» отмечает нравственное превосходство своего края над могущественным уделом Ци, который, хотя и входил в «Чжун го», граничил с варварскими областями. Хвалившиеся своей древней цивилизованностью государства находились в Хэнани, точнее, на северо-западе этой области. Считалось, что у расположенных вокруг государств цивилизация менее чиста.

Основными государствами центра были, помимо царского государства дома Чжоу, уцел Вэй, занимавший древние владения династии Инь и Сун; князя этого дома происходили из дома Инь. К ним следует прибавить государство Чжэн, хотя его основание считалось недавним, а также из уважения к китайским традициям государство Лу, находившееся несколько в отдалении, в Шаньдуне. Князя Чжэн и Лу, так же как и князя Вэй, были связаны с царской династией. Вокруг располагались более могущественные государства: Ци на северо-западе области Тайшань и захватывая долину Чжили; Цинь владело долинами рек Вэй и Ло в Шэнси, бывшими, как говорят, первым уделом царей Чжоу; Цзинь занимало юг Шаньси; бассейном реки Хань до Синеи реки (Ху-бэй) владели цари Чу Более в стороне, в устье Синеи реки и вплоть до бассейна реки Хуэй, располагалось княжество У, а еще дальше к югу, от озера Поянху вплоть до моря, уцел Юэ. Удел Янь находился далеко к северу, в северном Чжили, едва соприкасаясь с государствами Ци и Цзинь. Далее шли варварские

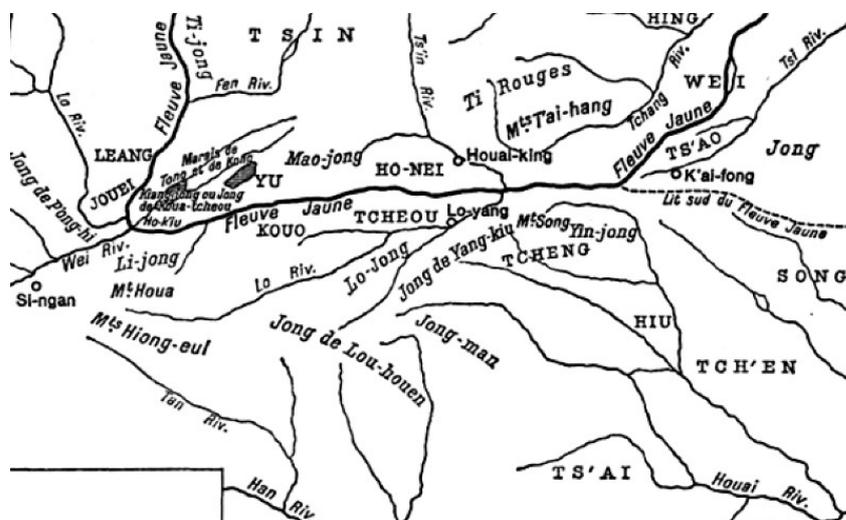
края: на юге и на востоке – племен мань и и; к западу и на север – народов жун и ди. Впрочем, эти наименования лишены точного значения.

Если верить традиции, варвары образовывали на границах Китая четыре моря: внутренняя область меле этих морей и была собственно Китаем. На самом деле вмешательство варваров было постоянным и играло решающую роль в истории наиболее центральных из уделов.

2. Страны центра. Согласно традиции, для установления своей власти цари дома Чжоу опирались на варваров ди, с которыми их предки якобы жили вместе. Еще она настаивает на том, что будто бы люди Инь попытались вернуть престол при содействии варваров, живших в Хуай. В «Книге песен» («Ши цзин») воспеваются подвиги царя Сюаня (827–782) в борьбе с варварами из Хуай. Как говорят, Чжоу покинули Шэньси (в районе Сиань) при царе Пине (770–720) под давлением ди, чтобы осесть дальше к востоку, на берегах Ло, в Хэнани. Ло протекает в замкнутой долине, в самом сердце китайской страны. Однако же в своей новой резиденции цари Чжоу отнюдь не были в безопасности от набегов варваров. В 613 г. женившийся на царевне из племени ди царь Сян был изгнан теми же ди из собственной столицы.

С VII по VI столетие нет года, когда варвары не напали бы на тот или иной город срединных княжеств. В 750 г. в центре Хэнани жуны похищают царского посла. В 659 г. приходится дать бой варварам Псам жун в долине реки Вэй, и в том же году другие варвары, на этот раз ди, появляются в среднем течении Желтой реки, неподалеку от пруда Сюн. Они разбивают армию князя Вэй и захватывают его столицу. С трудом спасаются всего 730 человек. Во всем княжестве уцелевает всего 5 тысяч человек. В 649 г. ди разрушают соседнее с Вэй небольшое государство. В 648 г. жуны сообща с красными ди осаждают царскую столицу и сжигают ее центральные ворота. В 646 г. ди вновь появляются в Вэй, а на следующий год они же нападают на княжество Чжэн. Жуны действуют в царском уделе, в то время как племя и из Хуай совершает нападение на Чжэн. В 638 г. ди снова в Вэй, а три года спустя в Чжэн. В 619 г. они угрожают западным границам княжества Лу. Они же в 616 г. захватывают Сун и в 613 г. – Вэй.

Заметим, эти постоянно и повсюду возникающие варвары отнюдь не всадники, совершающие стремительные набеги. С китайцами, воюющими на колесницах, они сражаются пешими. Так действуют жуны Севера, в 713 г. напавшие на Чжэн, и ди, с которыми приходится в 540 г. иметь дело княжеству Цзинь в центральной части Шаньси.

LE DOMAINE ROYAL et ses environs
ЦАРСКИЙ УДЕЛ и его окрестности

Последние были горцами, другие же варвары, как, например, из Хуай, жили на болотах. Несомненно, ни те ни другие, возникавшие столь внезапно, не приходили издалека. Если варварам четырех морей было так легко вмешиваться в дела срединных княжеств, значит, по всей видимости, вдоль болот и лесов им были известны тропы, удобные для неожиданных переходов; кроме того, на необрабатываемых землях, разделяющих, словно островки, нависшие над склонами плато и холмов княжества, они находили места отдыха и опорные пункты в занятых дикарями поселениях.

Эти поселения в самом сердце Китая были многочисленны. В 720 г. князь Лу возобновляет союз, заключенный еще его отцом с населяющими болотистую местность между Хэнанью и Шаньси, у границ небольшого княжества Цао, племенами жунов. В 669 г. Цао подверглось нападению со стороны варваров жун. Лу напало на жунов в 667 г. В 643 г. жуны творят злодеяния в царском уделе: неизвестно, откуда они возникли. Однако же, когда в 648 г. на царский удел движутся ди, им помогают жуны из Янцзюй: последние осели в районе Лоян, в непосредственной близости от царской столицы. В 637 г. жуны из Лухуэня, осевшие в верховьях долины реки И, притока реки Лоян, заставляют потрудиться князей Цинь и Цзинь; в 605 г. на них напал князь из Чу. Дело в том, что они распоряжаются перевалами и проходами между притоками Лу и верхними долинами данников Хань. На западе обитают жун мань, оседлавшие верховья спускающихся к Хуай долин. К востоку, рядом со священной горой Центра (Суншань), обосновались другие варвары, племена инь жун: они совершают налет на столицу в 532 г. В 618 г. княжество Лу приходит к соглашению с племенами ложун; те населяли район между реками Ло и И, в непосредственной близости от княжеской столицы. Окруженные с юга различными племенами жун цари Чжоу на севере своего удела также сталкивались с варварами. Это были маожун, нанешие им поражение в 589 г. Они населяли низменности южного Шаньси. Очевидно, что, как ни далеко следовало бы искать идеальные границы Китая, «Четыре моря» варваров плескались у ворот царского города.

3. Страны периферии. Подобно царскому уделу Чжоу, и остальные феодальные государства выглядели бастионами, зажатыми селениями варваров.

Возьмем в качестве примера государство с великим предназначением, Цзинь, которое, возможно, осуществило бы объединение Китая, если бы в 376 г. не расколосось на три соперничающих между собой княжества, Чжао, Хань и Вэй (три Цзинь). В начале периода «Чунь цю» удел Цзинь занимает в нижнем Шаньси узкую, вздыбившуюся полосу земли к востоку от Желтой реки, в бассейне реки Фэнь. На юге этот край возвышался над низинами, в своей значительной части покрытыми стоячими водами болот Дун и Гун, простиравшимися от Реки до текущей с запада на восток реки Фэнь. Все это пространство густо заросло, а в зарослях во множестве укрывались лисы и волки. Там же селились племена жун (цзянжун, жун из Гуач-жоу), связанные с племенами лижун, жившими за Рекой, в лесах южного Вэй по окраине тсударства Цинь. Князя Цзинь еще с середины VII в. объединились с этими жун: князь Сянь взял в жены одну из лижун, и в 626 г. племена цзян-жун помогли княжеству Цзинь при нападении на Цинь. В 527 г. те же самые жун еще сохраняли достаточно могущества, чтобы их вождь мог обязать князя Цзинь допустить его на собрание Китайской конфедерации. С востока, запада и севера Цзинь окружали племена ди. Князь Сянь (676–651), первым расширивший границы Цзинь, еще до женитьбы на женщине из племени лижун взял в жены женщину ди. Она стала матерью великого гегемона князя Вэня; его брат, Чжао Чуй, был у него главным советником. Этот Чжао Чуй – прародитель князей удела Чжао, основного из вышедших из Цзинь государств. Сестра Чжао Чуя, мать князя Вэня, происходила из ди, точнее, из ди ху или ди жун. Похоже, что эти ди жун, или же жун ди, те же самые, что и большие жун (как видим, дававшие варварским племенам названия имеют неопределенное значение), жившие на севере Шэньси, на западе и севере Шаньси: они хозяйничали по течению

реки выше ущелий Лунмэнь и отделяли княжество Цзинь от его победоносного соперника, княжества Цинь. На севере ди занимали, помимо бассейна реки Тайюань, возвышенности Шаньси и контролировали ущелья, ведущие к равнинам Чжили: они изолировали Цзинь и Янь. На юго-востоке, в крае гор Тайшань, жили, пожалуй, самые могущественные из племен ди, а именно красные ди, утверждавшие, что им покорны остальные, так называемые белые ди. Красные ди отделяли Цзинь от уделов Вэй и Ци. И у князя Вэня, и у его советника Чжао Чуя были жены из красных ди племени цзян гао жу.

Благодаря этим брачным союзам с племенами варваров княжество Цзинь сумело вступить в контакт с другими уделами. Как кажется, его основные усилия были направлены на юг. С первой половины VII в. князь Сянь в союзе с жун захватывает мелкие уцелы в Го и Юй в устье Реки, в непосредственной близости от царского удела. С тех пор его влияние распространяется на все среднее течение Желтой реки вплоть до Хэнэй (части Хэнани, расположенной на север от Хуанхэ). Когда же князь Вэнь приобретает Хэнэй, который дом Чжоу ему уступил в 635 г. в оплату его покровительства против ди, становятся тесными его отношения по эту сторону Реки с княжеством Вэй. Отныне Цзинь может вмешиваться в ссоры княжеств Чжэн и Сун и уравнивать в Хэнани крепнущее влияние князей удела Чу. Одновременно выход Цзинь на среднее течение Желтой реки был нацелен на отсечение от срединных княжеств красных ди. Те, в особенности одна из их групп, гигантские ли, долгое время оказывали сильный нажим на восточные уделы. Они напали на Сун в середине VIII в., а в начале VII столетия – на Вэй, Ци и Лу. Начиная с 660 г. князь Сянь, воспользовавшись соперничеством между белыми и красными ди, напал на последних в их горных укрытиях восточного Шаньси (Дуншань). Окончательно край был завоеван в начале VI в., с 600 по 592 г. Завоеванию предшествовало соглашение с белыми ди. В то время княжна из дома Цзинь была супругой одного из вождей красных ди. После этой победы княжество Вэй впало в полную зависимость от Цзинь. Оставалось захватить северные проходы к Чжили. Первым шагом стало завоевание верховий бассейна Тайюани в среднем Шаньси. Это было сделано в 540 г. «Для боев в этих узких и обрывистых проходах» против пеших воинов Цзинь пришлось перестроить свою тактику и обязать, не без труда, своих знатных всадников превратиться в пеших воинов. Княжество победило и сделалось хозяином обширного болотистого бассейна с покрытыми селитрой лугами, Далу, где согласно традиции располагалась столица царства Ся. В середине V в. Цзинь, опираясь на эти успехи, приступило к завоеванию варварского царства Дай в области Датун, князя которого вели свое происхождение от собаки. Это богатое лошадьми государство контролировало все проходы к равнинам на возвышенностях Чжили: его обладатели могли оказывать давление на северное княжество Янь. Завоевание было осуществлено Чжао Сянцзы, одним из потомков Чжао Чуя, сестра которого вышла замуж за князя Дай. Оно было подготовлено заранее, еще в начале VI в., смело выдвинутым на север в земли племен сяньюй (северные ди) клином. Начавшаяся с простого набега в 529 г. военная экспедиция на следующий год была подкреплена снабженной осадными средствами армией. В 526 г. она была возобновлена и завершилась только в 519 г. С тот момента Цзинь вступило в соприкосновение с народами северных степей.

Установить, а главное сохранить господство над западными областями было труднее. С начала VII в. Цзинь выходит на побережье Желтой реки, строит там свои укрепленные поселения и пытается закрепиться на ее правом берегу. Оно завязывало отношения с жунами на юге области Вэй, тогда как в северной части бассейна реки Вэй им проводилась политика союзов с властителями Лян. Закрепившись в углу у слияния Желтой реки и реки Ло, княжество пыталось продвинуться на север, к образуемой Желтой рекой северной крупной излучине. Цзинь возводило крепости и строило города, не имея достаточно людей, чтобы их заселить. После смерти Сяня в княжестве между 651 и 634 гг. вспыхнули заметно его ослабившие беспорядки из-за наследства. Они помешали захватить эту легкую добычу. Княжеству Цзинь

не повезло: именно тогда Цинь добивалось окружения бассейна Вэй. Победенное Цинь в сражении, состоявшемся в том жизненно важном месте, где река Вэй со всеми своими притоками впадает в Желтую реку, а та устремляется на север, Цзинь оказалось вынужденным уступить свои территории к западу от Желтой реки. Это произошло в 645 г.

Первоначально Цинь двинулось к ущелью Лунмэнь и в 640 г. захватило Лян. Между вступившими в прямое соприкосновение государствами вспыхнуло соперничество, которое с перерывами на краткие перемирия длилось вплоть до создания княжеством Цинь империи. Каждое из двух княжеств пыталось установить свою власть над варварами, распространяя на них свое верховенство, которое хотя бы временно обеспечивало их союз. Но с 626 г. Цинь вырвалось вперед, и князь Му из дома Цинь стал «вождем жунов Запада». В начале VI в. Цзинь отвоевало часть земель, установив покровительство над белыми ди. Однако же князья Цинь в конечном счете восторжествовали, продвинувшись в долины рек Цзин и Ло. ВIV в. им удалось захватить нагорья Шэньси, господствующие на западе над северо-южным течением Реки. Наследник княжества Цзинь в Шань-си государство Чжао тогда окончательно утратило свои владения на правом берегу Хуанхэ. Провалились и его попытки установить господство над варварскими племенами ху, хотя княжество и прибегло к их способу ведения боя и образовало отряды конных лучников.

Так княжеству Цинь, первоначально занимавшему лишь небольшой горный район, удалось захватить всю область Шаньси. Оно продвигалось шаг за шагом, первоначально устанавливая контроль над проходами, над выходами из долин. Благодаря родственным связям и брачным союзам, стремлениям к проникновению, подкрепляемому применением силы, оно сумело объединить вокруг себя варварские группы, ссорами между которыми умело пользовалось, пока окончательно их не поработало и не ассимилировало.

История крупных феодальных государств совершенно похожа на историю Цзинь. В начале исторического периода все они были мелкими образованиями, укрывшимися в труднодоступных местах. Наибольшего успеха добивались периферийные уделы. Они могли принимать на свою службу большие массы варваров, расселившихся по степям, горам и болотистым землям. Они их сосредоточили вокруг бассейна Желтой реки. И именно их вес подготовил китайское объединение.

Так осуществлялось смешение. Пока в центре складывалась китайская нация, на периферии поднимались государства, которые, ставя своей целью захватить срединные области Китая, кончили в свою очередь тем, что стали китайскими.

3. Образование провинциальных центров

Сближая отдельные факты, можно догадаться, сколь мощным было движение к объединению, продолжавшееся в эпоху феодального периода. В 478 г. в Хэнани жители города Жунчжоу, или Жунчэн, города жунов, подняли мятеж против своего хозяина, князя удела Вэй, который осмелился отнестись к ним как к варварам. Несомненно, князь считал, что их ассимиляция еще не завершилась; но жители города уже считали и ощущали себя китайцами. Несколькими годами раньше, в 500 г., обитатели лай в Шаньдуне, общавшиеся с Ци по меньшей мере в течение столетия, бывшие завоеванными и переселенными в 566 г., еще принимались за простых варваров, пляшущих свои дикие танцы. Но так считали те, кто думал, что представляет дух Древнего Китая. Князя Ци, напротив, не могли презрительно относиться к жителям лай; ведь они сами только начинали усваивать древние обряды. Однако уже с конца IV в. они славились своей высокой культурой и расположением, которое ими оказывалось ученым. «Их насчитывалось сотни (в Ци), их было (там) около тысячи».

Хотя «Срединным цветком», «Чжун хуа», и была Хэнань, китайская цивилизация действительно расцвела в окраинных областях. Именно там, в более или менее устойчивых союзах вокруг могущественного вождя, по-настоящему ощущалась гордость быть китайцем. Именно там развивалось и сознание превосходства над варварами и тех обязанностей, которые это накладывало. В начале VII в., во время напряженной борьбы с нахлынувшими неизвестно откуда ди министр княжества Ци Гуань Чжун провозгласил принцип, что «все китайцы, («чжу ся») суть сородичи». Тогда-то, и зачастую на общие деньги, были выстроены оборонительные стены против «варваров, этих ненасытно жадных волков». Таковы, к примеру, воздвигнутые в 658 г. воинами княжеств Ци, Сун и Чу укрепления в Син (области Чжили) или же защитные сооружения, поставленные в 647 г. на севере Хэнани в Вэй князьями, сплотившимися вокруг гегемона Ци.

Издревле феодальное владение состояло из окруженного стеной города, вокруг которого находились пригороды, в свою очередь защищенные стенами. Внутри находились обрабатываемые поля, вовне – необрабатываемые земли, поросшие лесами горы, покрытые тростником и кустарником болота. Этот город служил убежищем, и в зависимости от того, как далеко его обитатели жили, они облагались более или менее тяжелыми повинностями и обязанностями. Только жители города за стенами («фэн тянь») оказывали свое содействие бракосочетанию дочерей его владыки. Периферийные княжества, выраставшие за счет ассимиляции варваров, далеко отодвинули свои укрепленные крепостными стенами границы. Одно из произведений «Книги песен» («Ши цзин»), относимое к концу VII в., воспекает сооружение стены, призванной остановить наступающих с севера кочевников. И подобные постройки множились. Новые крепостные стены имели целью главным образом защиту крупных государств от нападений варваров или соперников, которые пытались напасть исподтишка. Когда, например, Цинь в начале IV в. выстроило длинную стену в Ганьсу, то хотело уберечь от непокорных племен недавно завоеванные территории, но само его продвижение на эти земли объясняется желанием не быть обойденным государствами – наследниками Цзинь, которые также расширяли к северу свои уделы. В 353 г. Вэй, одно из трех Цзинь, ответило, укрепив берега реки Ло: его стена протянулась до северо-западного конца большой излучины Хуанхэ. Равным образом царь Улин из Чжао (325–299) соорудил длинную стену на севере Шаньси. Для защиты от княжества Вэй княжество Чжао также выстроило в 333 г. свои укрепления, а для обороны от государства области Чжили Янь – еще

и крепостные стены на востоке в 291 г. После 369 г. князь удела Чжуншань, еще одного из княжеств, находившихся в Чжили, построил стену, оберегавшую его удел от Чжао. Аналогичным образом с конца V в. князь Сюань из Ци протянул стену более чем на тысячу ли, вроде бы предназначенную для защиты от набегов варваров из Хуай, но на самом деле изолировавшую его от княжества Чу. Наконец, и Чу, со своей стороны, выстроили на северо-востоке Хэбэя стены Фан. Они обозначили пределы продвижения этого княжества к средним государствам.

Вот с помощью каких способов китайские земли наделяли себя настоящими границами. В то время как под натиском окраин происходило смешение населения, возникали провинциальные центры. Сначала сложилась китайская цивилизация и образовались китайские провинции. Затем в новых землях по обводу Древнего Китая попытались сорганизоваться государства.

Мы располагаем только очень скудными сведениями о том, как происходило создание общественных служб и государственных уделов. Знаменательное обстоятельство: почти что исключительно эти сведения происходят из княжеств, осуществлявших гегемонию. Хорошо видно, что первоначально основные средства крупных уделов пополнялись за счет поступлений, предоставляемых объединившимися с ними княжествами. Так объясняется, почему княжество Чжэн неоднократно возмущалось тяжелой данью, которую требовало княжество Цзинь. Побыры включали ткани и лошадей. Кроме того, дань состояла из трудовых повинностей. Крупные государи стремились обеспечить себе более надежные источники доходов. Говорят, еще с X в. Ци считалось уделом, где «повсюду стремились содействовать расцвету деятельности ремесленников и торговцев и способствовали выгодной торговле рыбой и солью». В царствование первого из гегемонов князя Хуаня (683–643) Гуань Чжун при реформе управления «ввел сбор с денег, рыбы и соли, для того чтобы помогать бедным и вознаграждать мудрецов и людей способных». В приписываемом Гуань Чжуну сочинении и сам министр, и его государь изображаются чуткими к вопросам горного дела, металлургии, финансов. В 521 г. в Ци существовала довольно сложная административная система. Монополии на лесные продукты, озерную и болотную добычу, наконец, монополии на парки выращивания устриц и солеварни были распределены между различными службами. В Цзинь горы, болота, леса и солончаки были также «государственными сокровищами». Похоже, что основную часть национального богатства давали соляные промыслы. Но и шахты вносили свой вклад. Чу обладало запасами меди, из которых оно могло черпать, чтобы в 641 г. обеспечить союз с Чжэн. Цзинь имело месторождения железа: в 510 г. там всех подданных обязали сдавать по ведру руды.

С того момента, как княжества включили в свои окруженные стенами пределы земли, которые еще недавно, будучи просто приграничьем, окружали стены их предместий, были, вероятно, предприняты работы по превращению горных лесов и топких низин в государственное достояние. Именно туда народная мифология помещала убежища демонов, от которых князь с помощью магических средств оборонял народ (между демонами и варварами существовало значительное сходство). Очень возможно, что работы по осушению, слава которых отдана далеким предкам, были произведены достаточно богатыми и достаточно хорошо обеспеченными орудиями труда князьями, передавшими новые освоенные земли крестьянам. Эти работы требовали и умелых мастеров, и многочисленной рабочей силы. Они пугали рутинные умы. Считалось, что предпринять их означало поставить под угрозу сами княжества. На этот счет мы располагаем красноречивым документом. «Видя, что Цинь преуспевает в своих начинаниях, князь удела Хань пожелал его истощить... Он послал туда инженера-гидрографа... Предательским образом тот посоветовал князю Цинь прорезать канал, который от горы Чжуан на западе и начиная с Хуцоу отвел бы воды реки Цзинь вдоль северных гор к реке Ло. Общая длина канала превысила бы триста ли. Предлагалось

воспользоваться каналом для орошения полей. Половина работ была сделана, когда уловка обнаружилась». Однако у Цинь достало дерзости продолжить работы: превратив в пахотные земли болота, занимавшие значительную часть удела, оно только выгадало. «Когда канал был наконец завершен, его использовали для отвода стоячих вод и для орошения покрытых селитрой полей на пространстве в четыре миллиона арпанов... Страна за проходами (Цинь) превратилась в плодородную долину, больше не знавшую голода. По этой причине Цинь стало могущественным и богатым и в конце концов покорило других князей». Между 424 и 387 гг. так же поступил Симэнь Бао, обогативший край Вэй тем, что оросил область Хэнэй между Желтой рекой и рекой Чжан.

Хотелось бы собрать больше сведений о крупных государственных начинаниях, превративших Китай в страну непрерывного земледелия и позволивших ему стать краем с однородным населением. Можно допустить, что они восходят к периоду Сражающихся царств и представляют деяние эпохи, которую традиционалистская история изображает эрой анархии. Факт, что эти начинания воспринимались как разорительное безумие, показывает, насколько новым и непривычным было понимание государства как крупной и активной силы.

К тому же все, что было нацелено на упрочение могущества центральной власти, рассматривалось как кощунственное нововведение. Столь же плохо, как дела инженеров, нам известны труды законодателей. Но определено, что в период Сражающихся царств была проделана огромная работа в области юриспруденции. О ней ничего точно мы не знаем, разве что ее критику и сопротивление, которое она вызвала. В конце VI в. были введены многие кодексы: в 535 г. в княжестве Чжэн, в 512 г. – в Цзинь. Они были выгравированы на жертвенных сосудах. История начинается с утверждения, что выплавка этих сосудов должна повлечь за собой наихудшие беды. Например, как утверждалось, должна была появиться в небе Огненная звезда. А далее, как свидетельствует история, столица Чжэн погибла в пожаре. Так было наказано преступление, в котором обвиняли новаторов. Оно заключалось в попытке подменить обычай законом. Легисты, как кажется, хотели повысить роль регламентации и укрепить власть княжеской администрации. Конечно же они не ограничивались тем, что, как их обвиняют, усилили тяжесть наказаний, хотя и правдоподобно, что в законодательной сфере становление идеи государства первоначально выразилось в более жестком регламентировании и в более строгих наказаниях за оскорбление достоинства государя. По всей видимости, в кодексах отражалась попытка ограничить власть местной знати и частных *объединений*. Административные нововведения Цзычаня в Чжэн рассматривались как ущемление личных прав: «Возьмем наши одежды, наши шапки, хорошенько их спрячем! Возьмемся за наши земли, *сплотимся* (ради их защиты)! Кто убьет Цзычаня? Мы поможем этому освободителю!» Но, похоже, низы довольно быстро оценили всю пользу от государственного вмешательства: «У нас есть дети, молодые люди; Цзычань дал им образование! У нас есть земли; Цзы-чань сделал их плодородными! Кто сменит Цзычаня, если тот умрет?»

До Цинь ни одно из крупных государств не сумело уничтожить свою знать. Единственное интересное начинание в этом направлении было осуществлено в Цзинь и завершилось посредственным успехом. Князь Сянь из Цзинь предпринял попытку окружить Цинь с юга и севера, установив свою власть над лижунами и землями Лян. Лишь воспользовавшись волнениями, которые ослабили его соперника после смерти Сяня, Цинь смогло вырваться из клещей. Цинь по очереди покровительствовало различным ветвям княжеской семьи, которые передрались в Цзинь из-за власти после смерти Сяня, и заключало с ними выгодные для себя соглашения. Тогда-то в Цзинь было принято решение больше не наделять уделами и обязанностями княжеских отпрысков. Тем не менее мысль о превращении всего государства в непосредственный удел самого правителя выглядела слишком революционной, чтобы не показаться неосуществимой. Князь Чэн (605–598) сохранил одобренный принцип, но и он

наделял обязанностями и землями если и не родственников, то во всяком случае знатных особ. Правда, он позаботился, чтобы это достояние после смерти собственников не наследовалось их старшими сыновьями. Несомненно, он надеялся, что в результате раздела владений не возникнут столь же могущественные семейства, как те, что вышли из княжеского дома. Но в действительности после каждого крупного завоевания нельзя было избежать раздачи земель вождям победоносной армии. Выросли шесть могущественных семейств, и в 514 г. им удалось уничтожить младшие ветви княжеского рода. Князя Цзинь старались поддерживать между этими шестью семействами дух соперничества. И действительно, они бились между собой, пока их число не сократилось до трех – Хань, Вэй и Чжао. В конце концов они в 403 г. отделились от верховного правителя и поделили страну на три княжества. Отметим, что Чжао сохранило самую крупную часть, весь север, Шаньси, а Хань и Вэй поделили нижнюю часть Шаньси и все завоевания Цзинь в Хэнани.

Результатом феодального периода в меньшей мере было строительство государств. Важнее то, что он способствовал становлению провинциальных центров. Провинции, очертания которых становятся тогда все отчетливее заметны, принадлежат к одной цивилизации. Китайская нация находится в стадии формирования, китайская земля – в стадии обустройства. Остается создать Китай. И прежде всего остается образовать китайское государство.

Глава третья Империя

1. Создание имперского единства

1. Дела князей удела **Цинь**. В первые века эпохи, описанной в «Чунь цю», политическая изолированность отдельных княжеств прекращается. Между ними завязываются хрупкие и маломощные временные союзы с целью противостоять набегам племен жунов и ди, а также для подавления внутренних беспорядков в том или ином уделе. Они складываются и распадаются в зависимости от потребностей момента. Они отвечают местным интересам. Ведь их задача – поддержание местного статус-кво. Похоже, что тогда воцаряется принцип феодальной взаимопомощи.

В конце того же периода дипломатия подчинена интересам отдельных княжеств. Кажется, что перед вашим взором происходит своего рода репетиция великодержавной политики. Крупные государства развертывают свою основную деятельность на окраинах, энергично расширяясь и ассимилируя новые силы. В самой Китайской конфедерации они стремятся организовать зоны собственного влияния. Отсюда важность, которую тогда приобретают в политических событиях такие малые срединные государства, как Лу, Чжэн и Сун. Тем не менее это всего лишь клиенты крупных окраинных государств. Последние нередко предпочитают увеличивать территории своих подопечных и самим слишком не расширяться в Срединном Китае. Дипломатия тех времен выглядит добивающейся равновесия. С помощью периодических ассамблей она стремится поддерживать хотя бы видимость доброго согласия и некоего единодушия.

К началу периода Сражающихся царств внешние княжества пришли к созданию провинциальных уделов, которые, хотя у них еще и не было точно очерченных границ, вступили в соприкосновение. В то же время возникает практика союзов между крупными государствами. Скажем, Цзинь обеспокоено продвижением Чу в Хэнани, но не обладает средствами прямого давления на это княжество, разве что решится воевать непосредственно с ним в самой Хэнани. В этой ситуации оно прибегает к содействию своего клиента, княжества Лу, для того чтобы вступить в отношения с варварским княжеством У, которое, обосновавшись

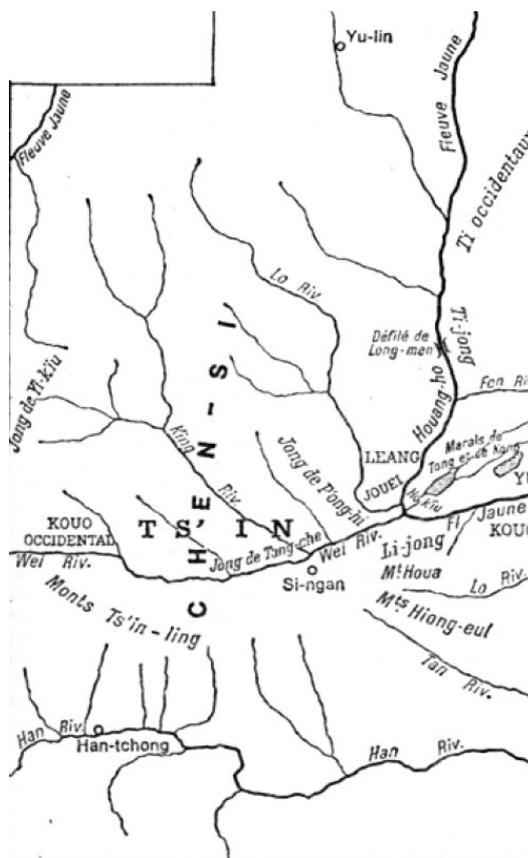
в Цзянсу и Аньхуэй, в состоянии со своего левого фланга угрожать Чу и ограничить его продвижение к восточной Хэнани (584 до н.э.). Войска У, обученные военными миссиями Цзинь, наносят армии Чу сокрушительное поражение. Чу, однако, подготовило свой контрход. С 505 г. князья Юэ (Чжэцзян) заходят на У с тыла, ставят предел его успехам и наконец в 473 г. разрушают. Однако Чу, избавившись от сиюминутной угрозы, на деле только сменило соперника. В 339–329 гг. оно вынуждено бросить против Юэ все свои силы. Ему удается вырвать у Юэ бывшие земли княжества У, а затем и отбросить его к югу. Эти события отвлекли к востоку деятельность Чу, причем как раз в тот момент, когда остановленное на западе уделом Цинь княжество Цзинь также устремляется в восточном направлении. Отсюда вытекает временная политическая значимость стран северо-востока – Ци в Шаньдуне и новой державы Янь в Чжили. В тот момент политику ведут шесть царств – Чу, Ци и Янь, а также три государства – наследника Цзинь (три Цзинь) – Чжао, Хань и Вэй. Тогда же на западе растет могущество государства Цинь. Это время лиг от севера до юга (хэцзун) и лиг от запада до востока (ляньхэн). «Цзун» означает «цепь», а «хэн» – основу ткани; в выражении «хэн-цзун» говорится о перпендикулярных рубцах на ткани. В начале периода лиг с севера на юг и с запада на восток (IV–III вв.) крупные державы объединяются лишь на время. Они нацелены на ограничение успехов одного из крупных царств и пытаются взаимно преградить друг другу дорогу. Смысл лиг – в создании препон.

К концу периода борьба, похоже, ограничивается княжествами Цинь и Чу. Чу возглавляет лигу от севера до юга, стремящуюся противостоять продвижению Цинь. Эта лига добивается прежде всего поддержания статус-кво. Похоже, ее политика предполагает своей основой принцип федерализма. Напротив, Цинь, осуществляя курс «ляньхэн» (эти слова, случается, больше не обозначают лигу, а идущее с запада на восток продвижение), открывает, как кажется, политику аннексии с целью полного поглощения всех княжеств и создания централизованного государства. Восторжествует политика Цинь. Она приведет к основанию Китайской империи.

Первые шаги Цинь были едва заметны. Это было маленькое княжество, укрепившееся в среднем Шэньси на берегах Вэй. Окруженное со всех сторон варварами, оно оказалось перед угрозой: князья Цзинь взяли его в клещи, сжимавшиеся с северо-востока и юго-запада. Довольно быстро ему удалось разжать эти клещи. Это случилось после того, как Цинь, пововав с жунами из Танши в 714 г. и Пэнси в 697 г. и аннексировав в 687 г. небольшое княжество Го (западное Го), проложило себе коридор к большой излучине Реки (Хэцью) и срединным княжествам Хэнани. Отныне для Цзинь стало трудно обойти Цинь с юго-востока даже при содействии лижунов. В 677 г. Цинь завязало отношения с уделами Лян и Жуй на запад от Хуанхэ. Оно завоевало земли жунов из Маоцзинь и поставило под контроль важный паром через Реку в Мао, а затем в 640 г. покорило Лян. Это продвижение на северо-запад вдоль Хуанхэ терпеливо подкреплялось деятельностью по проникновению в верхние долины рек Цзин и Ло. В 444 г. победа над жунами и ицю открыла перед Цинь доступ в Ганьсу и верхнее Шэньси. С конца IV в. исчезла опасность быть обойденным княжеством Цзинь с северо-запада.

В Хэнани Цинь вмешивалось не так часто, как Чу и Цзинь. Попытка подчинить себе Чжэн (630–628) была быстро оставлена. Контролировавшее проходы к восточным притокам реки Хань в Хубэй княжество Чжэн оказалось зажатым между Чу и Цзинь и превратилось в арену борьбы, в которой эти два княжества взаимно истощили свои силы. В 375 г. Чжэн оказалось присоединено княжеством Хань, одним из трех Цзинь. С этого момента опасность обхода с юго-востока могла бы снова угрожать Цинь, если бы Цзинь не было расколото на три государства, князья которых были не способны договориться об общей политике. По правде говоря, Цинь уже предвосхитило эту угрозу и обходом с запада бассейна реки Хань себя от нее обезопасило. Решающий момент наступил, когда Чу, подвергшееся нападению с

востока со стороны У, подстрекаемого Цзинь, обратилось к Цинь с просьбой о союзе. С того времени как Чу начинает поворачиваться к востоку, Цинь смогло установить свое господство над всеми уделами юго-запада. Дарованный Чу союз датируется 506 г. А с 475 г. Цинь вступает в контакт с краем Шу в Сычуани, области Чэнду, и, заняв перевалы хребта Циньлин, проникает по верховьям в восточную часть бассейна реки Хань. В 441 г. область Ханьчжун в южном Шэньси становится яблоком раздора между Чу и Цинь; Цинь принимается действовать на восточном фланге области Хэбэй. В 387 г. край Шу подвергается нападению, а область Ханьчжун завоевана. В 316 г., после разгрома в 318 г. коалиции северных государств – Хань, Чжао, Вэй, Янь и Ци, поддержанной гуннами (сюнну), Цинь овладевает краем Шу, а вскоре после этого и землей Па в южной Сычуани, в области Чжунцин. Став хозяином Ганьсу, Шэньси, восточной Сычуани, Цинь превратилось в великую державу Запада. И немедленно приступает к захвату восточного Китая.

Carte pour servir a l'histoire du PAYS de TS'IN
 Карта к истории КНЯЖЕСТВА ЦИНЬ

Завоевание было проведено стремительно. В Цинь образовали легкую и подвижную армию: там преобладали всадники и пехотинцы. Прочие государства, как и в прошлом, применяли колесницы и вели войну в соответствии с феодальными правилами тактики боя. Они демонстрировали свою силу, а потом распускали войска. Напротив, Цинь вело войну жестко. «Оно преследовало беглецов» и не колеблясь убивало людей («на волнах крови плавали щиты») и захватывало земли. Противники же или пытались умиловить «Дикого зверя», как они называли Цинь, отдавая ему «по желанию куски собственной территории», либо же прибегали к старым приемам – заговорам, попыткам убийства. Цинь позволяло им растрачивать силы. Царь Чжаосян (306–251) «разрушил» в 256–249 гг. дом Чжоу (царский удел распался на два княжества – восточное и западное Чжоу). Однако его смерть, за которой

последовали два эфемерных царствования и регентство, вынудила Цинь на время остановиться. Дело в том, что вступивший в 247 г. на трон царь Чжэн при своем совершеннолетии в 238 г. сначала столкнулся с мятежом, который подавил, но только к 235 г. сумел избавиться от опеки своего министра Люй Бувэя, которого молва называла его истинным отцом. И уже в 234 г. он отправляет свои войска в поход. Он сразу же начинает действовать решительно и быстро. В 232 г. царь Хань обращается «с просьбой о подданстве». Но князь Цинь желал покончить с феодальными порядками, и его не удовлетворяет заявление о вассалитете. В 230 г. Хань было аннексировано. В 228 г. пришла очередь Чжао, а в 225 г. – Вэй. В 223 г. было завоевано Чу, которое, начиная с 278 г., оттеснялось все дальше на восток, к Аньхуэй, затем в 222 г. Янь и, наконец, в 221 г. Ци. «Шесть царей испытали тяжесть своих преступлений». Чжэн из Цинь в 221 г. принял титул Ши Хуанди. Ему потребовался всего десяток лет, чтобы основать империю.

2. Цинь Ши Хуанди. Первый император царствовал только одиннадцать лет, с 221 по 210 г. Но ему достало времени на то, чтобы дать Китаю внешние границы. А это должно было позволить стране иметь свою внешнюю политику. Он также добивался создания в государстве централизованной управленческой машины, которая превратила бы его в могущественную державу.

Проникнутые духом традиционализма историки Сыма Цянь и Бань Гу хотели выставить на обозрение исключительно жесткость деятельности Цинь Ши Хуанди. Он был плох, потому что его династия скоро оборвалась. Бань Гу нравилось относиться к нему как к незаконнорожденному, и он говорит о его злобности и жестокости. Для того чтобы свободно клеветать на него, оба историка затушевывали величие его деяний. В их глазах Цинь Ши Хуанди всего лишь великолепный пример заблудшего государя, и все его достижения губительны. Извратив все его действия, они сотворили из него условного героя. О его царствовании трудно дать справедливое представление, и можно различить разве что немногие черты первого императора.

Похоже, это был человек практического склада ума. Ему нравились техники и специалисты. Будучи активным и методичным, он умел прочитывать отчеты и проводить обследования. Он настаивал на том, чтобы все решать самому. Добивался строгой дисциплины. Он преданно сохранял одних и тех же сотрудников. Он навязал им единый курс, и они придерживались его принципов и после его смерти. Свое «ремесло» императора он отнюдь не осмыслял как пассивную и ритуальную деятельность. Ему хотелось монархическую преданность обосновать религиозным поклонением императорской особе. Если этой энергичной и цельной личности был свойствен дух гения-основателя, то в глазах китайцев ей были присущи и антипатичные черты, настолько ее индивидуальность казалась им необычной. Первый император ничем не походил на удачливого авантюриста или невозмутимого мудреца, выглядевших так, словно бы все получили от Предназначения, потому что были всем обязаны своему окружению, и казавшихся целиком положившимися на Небо, ибо в любом деле рассчитывали на рискованные приемы своих случайных фаворитов. Именно таковы ослепленные славой национальные герои. Но Цинь Ши Хуанди обладал ясным взглядом и смотрел далеко. По всей видимости, его господствующими качествами были разумное упрямство и дух последовательности.

Своими быстрыми военными успехами он обязан последовательно осуществлявшемуся плану Лишь победив своих ближайших северных противников, три Цзинь, обрушился он на своего южного врага, княжество Чу. Он дождался завершения разгрома Чу, для того чтобы осадить Ци и двинуться на восток. Таким образом в своем триумфальном движении на восток он избежал нападения с фланга. Тот же дух упорной решимости виден в его деятельности по организации империи. Ши Хуанди мало что придумывал сам. Он использовал административные находки своих предшественников, князей Цинь, но ему доставало сме-

лости видеть, что они подходят не только для небольшого феодального государства, но для всей империи. Он объявил, что теория вассалов («фань чэн»), ограждающих удел Сына Неба, изжила себя. На все завоеванные земли им была распространена система префектур («сянь») и военных округов («цзюнь»). Еще в 687 г. князья Цинь принялись создавать префектуры на всех присоединенных землях. В 350 г. деление на префектуры стало правилом. Однако упорно сохранялся и обычай выделения уделов братьям князя. Например, так было сделано в 286 г. И в любом случае во главе только что покоренных земель чаще всего ставился преданный феодал. Скажем, во главе Шу сначала поставили одного из местных князьков, потом превратили его в удел одного из князей дома Цинь, но в 285 г. того заменили простым губернатором. В 277 г. новое продвижение в Сычуани послужило поводом для образования военного округа Цяньчжун. После мятежа в 238 г. владетеля Ляо Ай из Чансиня вопрос о выделении новых владений в царствование Цинь Ши Хуанди вообще больше не вставал. Каждое завоевание завершалось образованием новых военных округов и префектур. Вместо того чтобы сохранить что-то из старых феодальных принципов, император предпочитал вступать в конфликт с традиционалистами. В 221 г. он постановил, что Китай должен быть поделен на 36 округов. Хотя критики этой системы утверждали, что она делала ненадежным поддержание порядка, он сохранил ее в 213 г. Во главе каждого округа стояли гражданский управляющий («цзюнь-шоу»), военный губернатор («цзюньвэй») и еще один персонаж («цзюнь юйши») с правом контроля (точный объем его полномочий известен смутно). Принцип коллегияльности стал правилом для центральной администрации. Цинь Ши Хуанди не допускал существования какой-либо автономной или нераздельной власти.

Из всей аристократической иерархии император сохранил только титул маркиза. Похоже, он соответствовал существовавшей придворной знати. Истинную знать образовало чиновничество. Оно было разделено на двадцать ступеней, принятых в Цинь с IV в. и распространенных первым императором на всю империю. Начиная с четвертой ступени, знатные люди избавлялись от повинностей. Знатность можно было приобрести с помощью подношений государству, в особенности во время голода. Она основывалась в большей мере на богатстве и оказанных услугах, чем на происхождении. Принципом управления служили санкции – повышение или понижение по службе. Они помогали смешению общественных классов и часто применялись, чтобы обеспечить смешение населения. С 286 г. титуловались или получали амнистию за совершенные преступления уроженцы Цинь, соглашавшиеся перебраться в завоеванные края. Ши Хуанди широко применял систему массовых переселений, начало которой было положено его предшественниками. В 239 г. он переместил из Шэньси в Ганьсу все население взбунтовавшегося города. На следующий год в качестве наказания были переселены в Шу в Сычуани четыре тысячи семей. В 235 г. произошли новые депортации. И напротив, все могущественные семейства Китая были обязаны перебраться в столицу. Можно предположить, что единственной целью этих перемещений не было запугивание или желание заполучить заложников. Похоже, что Ши Хуанди сознательно стремился к результату, которого он и добился, – ускорить ассимиляцию различных народностей Китая. Некоторые законодательные меры императора, которые будут рассмотрены в другой главе, свидетельствуют о намерении усилить этническое единство путем унификации нравов и права.

Работая над формированием китайского народа, император в то же время трудился над строительством Китая. В результате многолетних войн между Шестью царствами в стране появилось множество бродяг и разбойников. В 216 г. сам император, прогуливающийся инкогнито по столице в сопровождении всего лишь четырех солдат, подвергся нападению грабителей. Он решил очистить от них империю. В 214 г. он собрал их во множестве и воспользовался крупными бандами для расширения и защиты имперской территории. Одна из таких шаек была отправлена на юго-восток, где завершила покорение страны Юэ, или Юй-юэ, начатое Чу еще в 333 г. К тому времени жители Юй-юэ были вытеснены из

Чжуцзяна к приморским областям юга – Фуцзянь, Гуанси и северному Гуандуну. Развернутая императором на юге кампания, несомненно, началась еще в первый год существования империи. Сначала был завоеван Фуц-зянь, а затем покорены и оба Гуана. Продвижение китайцев, подкрепляемое повторными переселениями людских масс, по всей вероятности, достигло после крупного усилия в 214 г. прибрежных областей Аннама до мыса Варелла. Были основаны три новых округа.

На юге Китай вышел к морю, где возникла огромная граница. В 215 г. император, инспектировавший Чжили, продвинулся к северу до гор, охватывавших с северной стороны эту область. Именно там государство Янь после своей победы над гуннами соорудило длинную стену. Ши Хуанди, еще в 219 г. отправивший в южные моря разведчиков из уроженцев Ци в Шаньдуне, в 215 г. послал новых, которые были уроженцами Чжили. Может быть, он имел виды на Корею, а не только на таинственные острова? В любом случае он набрасывал планы морской политики. Но его непосредственные заботы были связаны со степью. Именно в 215 г. во время своей поездки в Чжили он решил соединить между собой отрезки длинной стены в великую единую стену, которая оборонила бы Китай от гуннов. В том же году он приказал генералу Мэн Тяню предпринять крупное военное наступление в излучине Хуанхэ. Мэн Тянь смог на самом деле отбросить варваров дальше на север от Хуанхэ. В 214 г. он переправился через реку и приступил к сооружению восточного отрезка Великой стены. Для проведения работ и заселения края император направил ему целое племя заключенных. Защищенная стеной северная граница Китая протянулась от реки Ляо до области Линьтао на северо-западе Ганьсу. В результате Китай оказался в контакте не с мелкими и разрозненными племенами жунов, мань и мэ, как раньше, а с крупными кочевыми народами, которых китайцы называли ху или сюнну, хунну. Это случилось точно в самом конце третьего столетия, когда хунну образовали «в первый раз объединенную и сильную нацию». Мы менее осведомлены относительно политики, проводимой императором на западе, в стороне гор. Но и там, в области Цзянчжун, на юго-запад от Линьтао, был установлен контакт с сильными и могущественными народностями: действительно, в те времена тибетские племена населяли горные долины верховий Желтой реки. Территории страны при Ши Хуанди примерно распространялись на то, что должно было стать Китаем восемнадцати провинций. Считают, что иностранцы назвали Китай (Chine) по имени династии Цинь. Основатель этой династии действительно наделил Китай его традиционными пределами. С каждой стороны он установил отношения с великими цивилизациями или с великими народами.

В обширной стране, которую император наконец-то наделил границами и которую хотел сделать однородной, им были уничтожены все внутренние перегородки и местные укрепления. Этим он гордится в надписи, которую приказал начертать как раз в тот момент, когда на севере в 215 г. был занят сооружением Великой стены: «Император проявил свой престиж; – его добродетель поглотила князей; – первым установил он единообразно Великий Мир. – Он опрокинул и разрушил внутренние крепости и внешние стены (княжеств); им открыты проходы в речных преградах; – он сгладил и уничтожил трудности и препятствия». В 225 г. он заставил Желтую реку отклониться к юго-востоку над Юньян и создал Хунгоу; этот канал связывал между собой все области Хэнани и, соединив реки Ци и Хуэй, продолжил канал до территории Чу. Он прежде всего предназначался для перевозок зерна. На подступах к Юньяну, вблизи Кайфэна в Хэнани, был устроен на горе императорский амбар Ао. Этот крупный распределительный центр, откуда снабжались армии империи, после смерти Цинь Ши Хуанди превратился в предмет ожесточенных баталий между претендентами на его наследие. Там находилось сердце Китая. Дорожная сеть дополнила систему каналов. Ее сооружение было начато в 220 г., когда были прочерчены «имперские дороги». Шириной в пятьдесят шагов, обсаженные деревьями и приподнятые для защиты от наводнений, включавшие с двух сторон низкие обочины, тогда как центральный проезд оставлялся для импе-

ратора, они, как говорят, от столицы доходили до окраин империи на востоке и на юге. В 212 г. было предпринято сооружение дороги, идущей на север до излучины Реки: «В горах были прорублены проходы, в долинах сделаны насыпи, и связь была установлена по прямой линии». Это были стратегические дороги, и строительство последней из них это подтверждает, Ши Хуанди отчетливо видел, что угроза для Китая отныне нависала с севера, со стороны хунну. Это громадное переплетение дорог стало как бы арматурой единства страны. В максиме китайских знатоков феодального права утверждается, что старые государи с глубочайшей древности прокладывали единообразные дороги, а одновременно добивались единообразия письменности и нравов. Цинь Ши Хуанди не лгал ни в тот момент, когда похвалялся, что ввел единую систему письменности (обычно эту реформу, значение которой было огромным, связывают с именем министра Ли Сы), никогда он говорил, что сделал обязательным единый размер колесных осей колесниц, для того чтобы колея от колес везде была одинаковой и один и тот же экипаж мог проехать по всем дорогам страны.

Похоже, что император желал, чтобы нравственное единство народа основывалось на его занятии сельским хозяйством, чего он добивался, пытаясь превратить его в народ земледельцев. Он стремился привязать его к земле, придав общеимперский характер аграрной революции, осуществленной в Цинь в 350–348 гг. С 216 г. крестьяне становились собственниками земли с обязанностью выплачивать единственный налог, размер которого определялся размерами земельного владения. Они переставали быть арендаторами, от которых ждали помимо трудовых повинностей еще и части урожая.

В надписи 215 г. император утверждает, что «его милости распространились на быков и лошадей, а его благодеяния удобрили почву земли». «Его доброта распространилась на все состояния; – долгое время все выходило на поля; – не было никого, кто не чувствовал бы себя спокойно в собственном доме». Решая предоставить земледельцам твердое право собственности на землю в счет выплаты единого раз навсегда установленного налога, Ши Хуанди думал об устойчивости государства. Он не доверял торговцам. В них он видел зачинщиков беспорядков и спекулянтов. В 214 г. им были высланы лавочники. В 219 г. он славил себя, утверждая, что «сделал престижным земледелие и запретил последнюю из профессий», то есть торговлю. Он выпустил медную монету – круглую с квадратным отверстием в центре, но она была столь громоздка, что ее было трудно перевозить. Вскоре мы увидим, какую значимость приобрели при династии Хань торговля и денежные дела. Облегчая передвижения по империи, Цинь Ши Хуанди хотел бы помешать торговому подъему, который ими вызывался. В нем он видел причину социальной нестабильности. Однако же, хотя не все китайцы посвятили себя, как он того желал, земледелию, а сооружением крупных транспортных путей не преминула воспользоваться торговля, дорожное строительство дало мощный толчок становлению национального единства.

*LA CHINE ANCIENNE et les pays limitrophes
ДРЕВНИЙ КИТАЙ и прилегающие страны*

Для достижения единомыслия император по всему Китаю стремился насадить строгую семейную нравственность. Прежде всего он хотел ввести почитание императора. Похоже, что история более всего исказила эту часть его деяний. Она подчеркнуто указывает, что Цинь Ши Хуанди пытался с помощью магических приемов обеспечить себе личное бессмертие. Определенно, император привлек к себе в услужение магов, но нельзя упускать из вида одно обстоятельство. «Согласно законам Цинь (говорит один из этих магов в момент, когда собирается бежать с царского двора) нельзя одновременно заниматься сразу более чем одним ремеслом, и если ошибаешься, то сразу же смерть». Приказав сжечь летописи и политические книги, пустые и опасные, по его разумению, сочинения, он озаботился сохранением сочинений, относившихся к «медицине, фармации, гаданию, земледелию, садоводству», иначе говоря, всей технической литературы. Доверял император только узким специалистам и хотел покровительствовать исключительно полезным наукам. В его время магия (а также астрологическая астрономия, алхимия и соответственно изготовители лекарств) была источником любого знания, надеждой сильных умов. Несмотря на всю свою недоброжелательность, китайским историкам не удалось показать, что Цинь Ши Хуанди был, подобно многим другим государям страны, глупцом и попался в ловушку проделок колдунов. Среди этих ученых дисциплина и преданность без сомнения были не менее велики, чем среди его воинов. Трудно сказать, что от них ожидал хозяин, но ясно, что все поведение императора объясняется желанием быть принятым за ожившее божество. Это было целью его драматических восхождений на святые горы, а также его невидимого существования в дворце, построенном для того, чтобы послужить прообразом мира богов. Благодаря докладам (ежедневно он обрабатывал, если взять их на вес, до ста двадцати фунтов) он был в курсе всего и без малейших колебаний выходил из дворца для личных расследований, причем почти всегда в одиночку и скрывая свое имя. Хотя он отвергал устаревшие обряды, посредством которых древние Сыны Неба поддерживали свой престиж, полностью воздерживаясь от любой практической деятельности, ему, как и им, хотелось, чтобы подданные ощутили божественность его природы. Так объяснялась таинственность, которой он себя окружал, и песни, которые он приказывал исполнять во славу его путешествий и странствий Бессмертных. Этот мощный и позитивный ум прекрасно понимал, что недавно основанной империи требова-

лась новая религия и что самодержавной власти должен был соответствовать культ императорской личности.

Цинь Ши Хуанди умер в пятьдесят лет. Ему потребовалось немного времени для того, чтобы обеспечить Китаю состояние единства и сплоченности, которое он никогда в будущем не превзойдет. Благодаря ему представление о китайском единстве стало действенным идеалом, но Китай больше так никогда и не обретет подобного ему властного гения, который бы с той же самой дерзостью захотел, чтобы национальное единство осуществилось в форме централизованного государства.

2. Век императора Уди

История называет первым императором династии Цинь Цинь Ши Хуанди, того, «кто хотел бы, чтобы его называли «первым императором, Ши Хуанди».

Это правда, что первый император сделал столицей империи Цинь. Он, однако, не допустил, чтобы уроженцы Цинь относились к империи как к своей добыче. Ему удалось осадить провинциальный эгоизм своих бывших подданных. В 237 г. он было уступил, подписав указ, постановлявший изгнание всех чужестранцев из Цинь, но сразу же его отменил. В течение всего его царствования его старшим советником оставался Ли Сы, происходивший из Чу. Преемник Ши Хуанди лишил Ли Сы своей милости и приказал казнить. Он позволил солдатам из Цинь «отнестись без почтительности» к своим офицерам и воинам провинциальных ополчений. Вспышка провинциальной гордости объясняет быстрое падение дома Цинь.

Спустя восемь лет после кончины великого императора Цинь его дело унаследовали Хань. Казалось, что они почти что без усилий восстановили единство империи. При их правлении Китай согласился на единство, чтобы противостоять варварам. Пожалуй, никогда национальное чувство не было столь мощным, как во времена этой династии. Но попытки императоров из дома Хань придать империи внутреннюю сплоченность отличались крайней робостью. За четыре века своего господства они так и не сумели создать государство, устройство которого соответствовало бы громадности той империи, какой являлся Китай.

Время дома Хань было эпохой величественного взлета китайской цивилизации. Никогда Китай не имел столько возможностей стать политической реальностью, как тогда. Он совершенно их не использовал. Он остался набором провинций, которых сближало культурное родство. И только осознанная всеми опасность заставляла их время от времени объединяться.

1. Упрочение династии Хань. Самой блистательной эпохой китайской цивилизации в эпоху Хань было царствование императора Уди (140–87).

Основанная в 202 г. удачливым авантюристом первая династия Хань скромно заняла место дома Цинь. Гаоцзу (202–195) обосновался в их бывшем уделе. Прежде всего он рассчитывал укрепиться на территории *между проходами*. Так называли край Цинь. «Пояс, образуемый Рекой и горами, затруднял туда доступ... Его расположение столь выгодно, что когда он бросает своих воинов против вассалов, то выглядит словно мужчина, выплескивающий кувшин воды сверху высокого дома». Гаоцзу предпочел бы осесть «в своем родном крае». Но благодаря переселению, на которое они с трудом согласились, правители Хань не выглядели словно завоеватели, отдающие своим соотечественникам Китай в качестве добычи.

Они постарались также не выглядеть хищниками. Правда, больше из необходимости, чем по политическим соображениям. Гаоцзу смог захватить империю, лишь пообещав разным *наемным военачальникам* раздел захваченного. В 202 г. он распределил между ними царства и вроде бы приподнял положение бывших феодальных государств. Цари снова объ-

явились в Ци, Чу, Янь, Чжао, Хань, Лян, как стало называться царство Вэй. В сущности, Гаоцзу был лишь хозяином удела Цинь, наделенным императорским титулом.

Однако же заложенные императором Ши Хуанди основы управления империи уцелели. Военачальники без прошлого, которых Гаоцзу назначил царями, не имели никакой опоры в своих новых царствах. Император этим воспользовался в 201 г. для их перемещений.

Их владения оказались лишь временными наделами. Кроме того, в число облагодетельствованных позаботились включить сородичей императора, которых поставили во главе наиболее значительных из царств, скажем, Чу и Ци. Наиболее могущественный из наделенных землями полководцев, Хань Синь, воспользовавшись поддержкой сюнну (хунну), быстро появившихся в излучине Реки, попытался поднять мятеж. Гаоцзу отправился в Шаньси им навстречу. В области реки Фэнь он был ими окружен. Ему едва удалось избежать катастрофы. Страх, испытываемый китайцами перед варварами, способствовал успеху интриг, посредством которых Гаоцзу постепенно заменил во всех уделах своих бывших товарищей по оружию членами своего семейства. Впрочем, новые феодалы были не менее беспокойны и столь же опасны, как и прежние.

Чистая удача, что они не завоевали чрезмерного могущества. После кончины Гаоцзу его вдова противопоставила собственных сородичей (Лу) сородичам мужа (Лю). Похоже, она не руководствовалась никаким политическим мотивом, даже элементарнейшим принципом «разделяй, чтобы властвовать». Она всего лишь подчинялась старому народному предстанию, что в опеке главная роль должна принадлежать родственникам по материнской линии. Династия едва не исчезла в 180 г. в схватках между Лу и Лю. Но оказалось, что в этой борьбе и те и другие ослабили себя.

И все же в царствование императора Вэня (180–157) сначала, в 177 г., произошел мятеж царя Цзибея, а затем, в 176 г., мятеж царя в Хуайнани. Оба плели заговор вместе с варварами. Область Юэ вновь обрела независимость, а набеги сюнну становились все более и более частыми. Они происходили в 177, 166 и 159 гг. Пришло время вернуть империи силу, и для этого надлежало уничтожить крупнейших вассалов. Может быть, император Вэнь в 178 г. рассчитывал сократить площади уделов, множа под благовидными предложениями новые назначения. В 179 г. он прежде всего думал об удалении из столицы крупных интриганов.

В царствование его наследника императора Цзина (156–141) разразился мятеж влиятельных вассалов, которые в 154 г., «образовав идущую с севера на юг лигу, двинулись в сторону запада». Императору с трудом удалось победить бунтовщиков. Они опирались на сюнну. Императору пришлось пожертвовать своим министром Чао Цо, виновным в том, что пытался урезать территории феодалов. Лишь с трудом ему удалось в 144 г. разделить некоторые уделы, владельцы которых очень своевременно скончались именно тогда. Тем временем сюнну продолжали хозяйничать в Шаньси. Их очередной набег состоялся в 142 г.

Император Уди вззошел на престол в 140 г. Ему было тогда шестнадцать лет. Ему предстояло править пятьдесят четыре года.

С осторожностью он вернулся к плану Чао Цо. Время работало на него. В 127 г. им было принято решение, что поместья не переходят в наследство к старшему сыну, а делятся по смерти отца между всеми его сыновьями: так он надеялся в конце концов добиться путем дробления наделов исчезновения крупных вассалов. Политический курс был верным, но его недостатком была медлительность в осуществлении. Так, Гаоцзу раздал 143 удела; к концу первых Хань их оставалось; путем дробления удалось лишь удвоить их количество.

При каждом царе или князе император Уди назначал наместника с титулом советника; он являлся и цензором, и шпионом. Роль этих личностей ярко проявилась в 122 г. в деле, которое привело к вынужденному самоубийству царей в Хэншани и Хуайнани. По доносу наместника император направил туда своего легата, которого попытались убить. Первое наказание последовало в 124 г., когда удел Хуай-нань был сокращен на две префектуры, а

его царю разрешалось отныне назначать только мелких чиновников. Последовала попытка мятежа. Тогда император прислал наделенного всеми полномочиями чиновника. Князя покончили с собой; их родители вместе с большим числом верных им людей были казнены.

Целью императора Уди было свести феодализм к простой видимости. В округа собственно императорского удела были, как во времена дома Цинь, назначены военный и гражданский губернаторы; третья должность, суперинтенданта, была упразднена, а его обязанности доверены в 106 г. следователям, «бу цыши», своего рода *missi dominici*; на всю империю их было лишь трое. При княжеских дворах легаты и наместники играли роль, сходную с ролью губернаторов и следователей в императорском уделе.

Император взял за правило назначать на эти должности только выходцев из низов, людей новых. Их переполняло восхищение легистами, бывшими в чести при императорах из дома Цинь. Не без героизма вели они против знати глухую войну. Говорят, что Чжуфу Янь, добившийся одобрения принципа передела поместья при каждом новом его наследовании, начинал с ничего. Будучи назначен наместником при царе Ци, он не постеснялся обвинить того в кровосмесительстве. Царь покончил с собой. Император ушел от ответственности, приказав умертвить Чжуфу Яня.

Знать опасалась чиновничества, служителей самодержавия. «Вся империя придерживается мнения, что чиновники не должны назначаться на высшие должности», – говорил один консерватор. Но с помощью легистов император Уди сумел сделать бессильными остатки былой знати. Он поощрял образование новой, набираемой из богатых выскочек знати, которая была бы более сговорчивой. Введенная еще Цинь аристократическая иерархия была не просто сохранена, но в 123 г. удвоена образованием знати в одиннадцать ступеней. Ее называли военной знатью, ибо ее титулы продавались в пользу военного казначейства. Последствия реформ императора Уди были революционными, хотя в своей основе они диктовались краткосрочными политическими или финансовыми соображениями. Император использовал соперничество старой знати и новых людей, чтобы добиться, при невозможности обеспечить внутреннюю стабильность, хотя бы прекращения крупных мятежей. Наряду с оскудением казны именно они помешали возобновить войну против варваров.

2. Войны ради престижа. Величие царствования императора Уди в той борьбе, которую он вел против сюнну (хунну).

Впрочем, в первые годы он ограничился лишь обороной. И все же приказал поправить большую Северную дорогу и организовал наряду с центрами по снабжению и конными заводами крупные кавалерийские корпуса. Прежде всего предстояло разработать план кампании.

В 138 г. император отправил Чжан Цяня договариваться к народу да Юэчжи, о котором сообщалось (следовательно, существовала служба информации) как о сопернике сюнну. Сюнну захватили императорского посланника, и только спустя какое-то время ему удалось бежать. Вообще, странствия Чжан Цяня не лишены налета чудесного. В Фергане он посетил царство Даюань, а затем перебрался в долины Амударьи и Сырдарьи. Там он добрался наконец до Юэчжи. Этот спасающийся от сюнну народ первоначально осел в области Или, но под натиском племен усунь оказался вынужден продолжать свое движение к востоку, вплоть до Согдианы, откуда он вытеснил на юг, за Оксус (Амударью) бактрианские племена дася. В общем Чжан Цянь смог проложить до Афганистана в то время перерезанный сюнну путь на Север. Более того, ему удалось доставить, правда довольно расплывчатые, сведения о Туркестане и его значении. Наконец, благодаря расследованию он пришел к предположению о существовании торгового пути, который не контролировался сюнну и шел от Туркестана, заходя в страну Шэньду (Индию), в Сычуань и Юньнань. После нового пленения сюнну Чжан Цянь в 125 г., как говорят, вернулся в Китай.

Не могло быть речи об использовании да Юэчжи против сюнну. Однако же заменившие их в районе Или усунь могли оказаться полезными в качестве союзников. В 115 г. Чжан

Цянь отправился к ним с посольством. Тогда же другие посланцы выехали в Восточный Туркестан и в Фергану (Даюань). В то же время опытный путешественник Танмэн угадал важность торгового пути, идущего от Кантона и, поднимаясь по долине реки Сицзян, достигавшего через Гуйчжоу в царстве Елан горных долин Юньнани и Сычуани. Вместе с информацией, собранной Чжан Цянем, эти сведения позволили осознать важность дорог, ведущих через царство Дянь в Юньнань фу и Куньмин в Дали фу к Верхней Бирме и стране Шэньду (Индии).

После первого периода нащупывания и разбросанных усилий против сюнну в 130 и 127 гг., против жителей Юэ в 138 и 135 гг. и мелких княжеств Юньнани и Сычуани в 130 г. наконец, как говорят, был выработан общий план действий. Его завершили к 126 г.

Прежде всего напали на сюнну. После двух военных кампаний Вэй Цина (в 124 и 123), предназначенных для деблокирования подступов к Реке, был предпринят крупный кавалерийский рейд по стране варваров. В 121 г. командующий корпусом легкой кавалерии Хо Цюйбин бросил десять тысяч всадников на 500 километров вглубь вражеской территории, прямо на запад. Он разгромил сюнну и захватил в плен варварского князя северо-западного Ганьсу (Лянчжоу). На следующий год, несколько месяцев спустя, он повторил свой подвиг, добравшись до предгорий Алтая и Тянь-Шаня. Царьки западного Ганьсу покорились. Год 119-й стал временем решающих усилий. В то время как к северу от Великой стены Вэй Цин сумел ошеломить неожиданным нападением Шэньюя (верховного вождя сюнну) и отбросить его далеко на север, Хо Цюйбин, вырвавшись из северных хребтов Чжили, продвинулся на тысячу километров вглубь степи. Возвращаясь, он вел за собой девяносто вражеских вождей. Эти победы принесли китайцам престиж, который на несколько лет обеспечил их северным границам относительно прочный мир. Они им воспользовались, чтобы полностью завоевать Ганьсу и обосноваться на северных склонах Наньинань (Дуньхуан). Отныне они удерживали важный плацдарм, господствующий над подступами к Алтаю в конце ведущего туда пути.

В 112 г. основное усилие переместилось к югу. После падения дома Цинь завоеванные Ши Хуанди приморские провинции юга вернули независимость. Самые южные из них, Чжэцзян (Юэ Дунхай) и Фуцзянь (Миньюэ), соперничали между собой. Начиная с 138 г. китайцы, выступая в роли защитников, переселили к северу от Синей реки весь народ Юэ Дунхай. В 112 г. они решились вмешаться в На-нюэ. В 111 г. шесть армий, преодолев несколько перевалов хребта Наньлин в бассейне реки Сицзян, заняли Кантон: стал китайским весь край Наньюэ. Изолированная область Дуньюэ была завоевана в 110 г., а ее обитатели переселены к северу от Синей реки. Китай вновь обладал огромной морской границей.

Одновременно он стал и хозяином дорог бассейна Сицзян. Добившись покорности государств Елан (Гуйчжоу) и Дянь (Юньнань), император Уди, по свидетельству историка Бань Гу, надеялся установить непрерывную цепь территорий до земли племен дася в Бактриане. Но сопротивления горцев области Далифу он сломить не смог.

Вероятно, неудача этого грандиозного проекта по охвату Центральной Азии с юга помогла сфокусировать внимание на Туркестане. В 108 г. началась главная кампания, которой предшествовали многочисленные переговоры. Она привела к разгрому княжеств Люлань (Биджан) и Гуши (Турфана и Урумчи). Отныне китайцы контролировали дороги Южного Алтая и оказались в непосредственном контакте с усунями области Или. Они попытались использовать свой успех, продвинувшись дальше к Фергане (Гайюань). Первая кампания 104–103 гг. потерпела неудачу. Император остановил отступающую армию в Дуньхуане и заставил ее уже в следующем году вновь выйти в поход через Туркестан. Наконец была захвачена столица народов даюань. Князья Зеравшана и Ферганы прислали заложников. Они оставались верны дому Хань в течение всего царствования императора Уди. Весь Туркестан

подпал под китайское влияние, а над сюнну, все связи которых с этим краем оказались оборваны, нависла угроза с запада.

Восточный поход Хо Цюйбина в 119 г. показал, чего можно было добиться давлением на восток. Осуществленный в 108 г. совместными действиями сухопутной армии и флота захват Чжаосянь между полуостровом Ляодун и северо-западом Кореи позволил образовать четыре новых округа, которые могли стать опорой представляющей значительный интерес кампании в направлении Восточного Гоби.

С 110 г. все выглядело готовым для нанесения решающего удара. Императору еще не исполнилось и пятидесяти лет. Хватало и солдат, и командиров. Как только «варвары Юга были наказаны», император во главе ста восьмидесяти тысяч всадников направился в степь бросить вызов Шэньюю. Этот поход стал просто военным парадом.

В 107 г. сюнну вроде бы пытались добиться союза с китайцами, но вскоре возобновили военные действия. В 104 г. была предпринята попытка воспользоваться противоречиями в их среде и выстроен лагерь для перебежчиков. Однако же в 103 г. слишком слабая китайская колонна была окружена, а на следующий год разрушен лагерь. В 99 г. вышедший из края Наныань отряд лишь с трудом смог вернуться на свою базу, тогда как другой отряд был полностью уничтожен. В 97 и 90 гг. китайцы испытали новые тяжелые поражения. Первоначальный подъем спадал. Остался незавершенным великий план императора Уди, если на самом деле, как считают китайские историки, он существовал.

Император, впрочем, мог гордиться тем, что все же добился немалого преимущества: наконец заселенное китайцами окраинное Ганьсу представляло собой клин между варварами степей и варварами гор. [Тибетцы на самом деле начинали выглядеть опасными, и в течение более трех лет, со 111 по 108 г., с ними пришлось вести тяжелые бои]. Виной императора тем не менее остается тот факт, что его требовательность и жесткость по отношению к собственным полководцам в случае, когда не побуждала их дезертировать, сковывала их дух инициативы.

3. Расширение центральной власти. Усталость подорвала огромное военное усилие. Оно сопровождалось финансовым напряжением, отличающимся скорее разумностью отдельных начинаний, чем направляющими идеями и последовательным планом.

Наиболее острой была проблема денег. Чтобы не выглядеть стяжателями, императоры дома Хань допустили систему вольной чеканки. Владетельные князья из Чжэцзяна и Сычуани запрудили Китай своими монетами. Их могущество испугало императора. Он запретил выплавлять монеты. Эта мера, даже если и была применена, нисколько не помешала спекулянтам. Они обогащались по мере того, как пустела императорская казна, вынужденная оплачивать военные поставки и предпринимателей, осуществлявших общественные работы. Имперская администрация прежде всего попыталась восстановить в более изощренной форме перемещение ценностей. Она попробовала внедрить систему займов. Она сама же показала пример, предоставляя земельные кредиты в пользу переселенцев и разоренных. Этот шаг ее доконал совершенно, в то время как «богатые негоцианты и крупные торговцы... (приобретали) состояния во многие тьмы фунтов золота: они совершенно не помогали испытывающему трудности правительству, а нищета простого народа удвоилась». «Денег стало больше... товаров меньше, и они подорожали». Тогда император, который многократно менял ценность медных монет, попытался в 120 г. ввести в обращение новые монеты из сплава олова и серебра, использовав религиозные ухищрения, для того чтобы внушить к ним доверие и заставить их принимать. Для наказания фальшивомонетчиков применялись самые суровые меры. Но подделки не прекращались. В 113 г. вышел указ, обесценивавший любые монеты, не вышедшие из императорских мастерских (Шанлинь). В основном установление этой монополии служило для проверки преданности владетельных феодалов.

Это был и повод принять против них жесткие меры. В 115 г. 106 князей-мошенников (из общего их числа не более двухсот пятидесяти) были лишены званий.

Для борьбы против частных монополий император Уди ввел государственные монополии. Специальная служба («шаофу») занималась личными доходами императора, которые главным образом извлекались из гор, морей, прудов и болот. «Горы и море суть склады Неба и Земли», то есть принадлежат лично императору; однако он для поддержания общественных доходов передал это достояние в распоряжение «данун», государственного казначейства. Как только был показан этот пример, в 119 г. ввели монополию сбора пошлины на соль и на железо, с тем чтобы помешать людям без совести «помещать под замок только для собственного использования богатства гор и морей ради приобретения состояния... и закабаления бедных людей». Кузницы и солеварни стали общественными предприятиями. Тогда же продажа железа и соли была доверена государственному управлению. Первоначально было решено подчинить окружной администрации местных чиновников этой новой общественной службы.

Торговля, всегда считавшаяся «последней из профессий», порождала большие личные состояния даже быстрее, чем промышленность. Кроме того, спекулянты, то есть «люди, которые покупают в кредит и предоставляют ссуды, те, кто покупает, чтобы нагромождать в городах, те, кто накапливает любые продукты», стремятся с помощью *незаконных объединений* стать *господами*. Создав в 115 г. предприятие общественного транспорта, связанное с управлением, регулирующим цены («цзюныну»), государство защищалось само и защищало народ. «Цзюныну» имело задачей обеспечивать перевозки по империи товаров, с тем чтобы избежать в стране «скачков цен». Оно было также обязано добиваться определенного единообразия на рынках, которые до тех пор чиновники «подстраивали под себя». Работу этой системы, прозванной «пинчжунь», или «торговое равновесие», обеспечивали многочисленные служащие, приписанные к министерству общественного казначейства («данун»). Им также поручалось постоянно объезжать округа, где размещать служащих «цзюныну» и контролеров соли и железа. Они отдавали приказы с целью обеспечить поставки отдаленными областями в форме повинности распространенных там продуктов и тех продуктов, которые перевозились торговцами на перепродажу, когда те вздорожают; они поставляли и переправляли их друг другу. В столице действовали служащие «пинчжунь», обязанные налаживать поставки и транспортировку товаров по всей империи. Государственные рабочие изготовляли повозки и всевозможный транспортный инструмент; они тоже зависели от «данун». Обязанностью казначейства было также накопление и складирование товаров; оно их перепродавало, когда они дорожали, а когда цены падали, снова скупало. В результате богатые торговцы и крупные лавочники больше «не могли получать больших барышей... а цены регулировались по всей империи». Эта система позволяла также избегать голода в отдельных районах. «Перевозки возрастали, достигнув 75 миллионов литров (зерна) ежегодно... а в том, что касается тканей, пяти миллионов кусков шелка», при этом сохранялось «равенство цен» и «не повышалось налогообложение народа». Были заполнены столичное зернохранилище, хранилище в Ганьцюань в Шэньси и все военные амбары в пограничье. [Все эти свидетельства принадлежат Сыма Цяню, наблюдателю неблагожелательному] Но стоило случиться засухе после создания этой системы «пинчжунь», как зазвучали голоса, требовавшие сварить заживо ее изобретателя Сан Хуньяна: «тогда Небо ниспошлет дождь».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.